

ЮРИЙ НИКИТИН

НАСТЫ

Юрий Александрович Никитин

Насты

Серия «Странные романы»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4989169
Насты / Юрий Никитин: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-62567-3

Аннотация

Россия вновь удивляет и поражает мир! Именно в ней возникает партия молодежи, наиболее честная, открытая и всем нам близкая, с когда-то провозглашенными, но тщательно затапываемыми властями принципами... Не только в России, но и во всех странах Земли... Но благодаря Интернету эта партия быстро завоевывает человечество передовыми и всем понятными идеями, что означает закат прежней России... Да и всего старого мира!

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	40
Глава 5	50
Глава 6	63
Глава 7	74
Глава 8	84
Глава 9	95
Глава 10	108
Глава 11	120
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Юрий Никитин

Насты

Посвящается Корчме

(nikitin.wm.ru/cgi/forum/read.pl) и корчмистам.

[О краже яблок из чужого сада, совершенной святым Августином в юности:] «Один бы я не совершил этого воровства, в котором мне нравилось не украденное, а само воровство; одному воровать мне бы не понравилось, я бы не стал воровать. О, вражеская дружба, неуловимый разврат ума, жажда вредить на смех и забаву! Стремление к чужому убытку без погони за собственной выгодой, (...) а просто потому, что говорят: «пойдем, сделаем», и стыдно не быть бесстыдным».

«Исповедь», I стр. 84.

*Аврелий Августин (354–430 гг.),
один из отцов церкви, святой*

Часть I

Глава 1

Слепяще чистая ванная, любой микроб здесь удавится от

тоски, даже унитаз сияет торжественно и победно, словно все еще в магазине на выставочном стенде.

Я с одним полуоткрытым глазом, досматривая непристойно сладкий сон, почти на ощупь отыскал вялыми пальцами рифленый барашек крана, повернул, делая напор помощнее, чтобы на кухню донесся шум падающей струи.

С кухни сразу же послышался требовательный голос мамы:

– Анатолий, ты уже встал?

– Чищу зубы лежа, – ответил я, загнув язык, так создается впечатление, что отвечаю со щеткой во рту, после чего помочился в раковину – нет смысла для такого простого действия поворачиваться к унитазу, заодно можно порассматривать себя в зеркало, даже почистить зубы, если придет в голову такая непонятная, вдалбливаемая нам в головы поставщиками пасты и щеток блажь.

Выпятил нижнюю челюсть и напряг бицепсы – вообще-то хорош, только не горбиться бы, а то каждый издали видит сисадмина, и все ништяк.

На хирургически белой поверхности фаянса остались желтые капли. Я подставил ладонь под струю из крана, смывая все в черные дырочки, намочил зубную щетку, а то вдруг проверят, такое бывало в нашем домашне-тюремном режиме, а тюбик зубной пасты передвинул на другой край белой полочки, доскать, пользовался.

В зеркале отражается высокий и сравнительно крепкий

для веб-дизайнера парень. Я в порядке, просто недоморф, сложение такое изысканное, в старину подобные красавцы шли не в рыцари, а пополняли ряды алхимиков.

Из-под двери доносится звяканье тарелок, а когда вышел из ванной, в ноздри ударил запах яичницы, обожаю это простое блюдо дикарей, а еще на тарелке уже вижу ноздреватую, словно муравьи лазиусы выстроили из крупных песчинок, горку ароматной гречневой каши, ее тоже обожаю.

Яичница слабо потрескивает на тарелке, остывая, выстреливает мелкими фонтанчиками сока, только что со сковородки, справа от тарелки нож, слева – вилка, хотя по современным упрощенным правилам, если не ошибаюсь, все, что можно отделить ребром вилки и что в ноже не нуждается, должно так и свершаться, а нож и прочие причиндалы – выпендрож старых маразматиков, они даже котлету ножом режут.

Я с ненавистью посмотрел на идеально точную планировку, геометрически правильно расставленную мебель, сверкающую нанопокрытием, ага, щас поверим, все равно настолько технологично, что ни одна муха, вдруг появилась бы, не удержится на такой ровной поверхности.

Мать повернулась от кухонной плиты, такая же красивая и безукоризненно технологичная. Когда мы с ней иногда пересеемся на улице или в магазине, нас принимают за брата и сестру, причем она не выглядит такой уж старшей сестрой, хотя и родила меня в ее тридцать лет.

– К обеду вернешься?

Я помотал головой:

– Бурундучок, я пообедаю здесь виртуально.

Этот диалог повторяется уже несколько лет. Еще отец, прикалываясь, приучил меня с колыбели звать ее не мамой, а Бурундучком, потому что она доставала его сообщениями о каких-то двух полосках. Мне маленькому это казалось так весело, потом сообразил, что ей самой так нравится больше: «мама» делает ее пусть не старой, но старше, а она возраст боится просто панически, у нее все полочки в ванной заставлены всевозможными кремами, гелями, мазями и прочей хренью. Она периодически ходит на ботоксы и уколы глауриновой кислоты, один раз уже подтягивала щеки и веки, и для нее нет выше счастья, когда ей дают тридцать вместо ее нынешних пятидесяти трех.

– Кофе крепкий?

– Суперкрепкий, – ответил я.

Кофейный автомат настроен только на три деления: слабый, крепкий и очень крепкий, пью всегда только самый-самый, но мать где-то вычитала, что кофе в чем-то да вредит, потому снова предупредила:

– Поднимает давление...

– Это его дело, – ответил я. – Но лучше пусть положит откуда взял.

– Ох, не увлекайся...

– Не увлекаюсь, – заверил я.

Откуда ей знать, что у меня припрятаны блистеры с таблетками модафинила, не говоря уже о том, что пользуюсь и фенотропилом, пока еще не запрещенным такой вконец оборзевшей от безнаказанности властью, как вообще-то безобидный алертек.

Идиоты, запрещают марихуану и ЛСД, которыми в ряде стран лечат больных, но не запрещают водку и табак, хотя те в самом деле уносят в могилу тысячи и тысячи человек!

Я едва не сказал вслух «Долой эту систему», настолько начинает вскипать беспричинная злость, а ведь если посмотреть на эту прекрасную кухню, оборудованную по последнему слову хай-тека и дизайна, кто скажет, что мир плох?

– Весь мир насилья мы разрушим, – пробормотал я, – до основания...

Мать в удивлении вскинула брови.

– Ого! Последний раз я слышала этот гимн от бабушки... Новую байму делаете?

– Да, – ответил я, – браузерку.

– Сейчас их понаделали все, – сказала она, – кому не лень. Будь осторожен, можно прогореть.

И хотя никаких байм не делаю, но мать не слишком вникает в мои дела, это просто разговорный ритуал за быстрым завтраком, типа о погоде. После большой чашки кофе выскочу из-за стола, а вернусь поздно вечером или за полночь – нам, программистам, как бы полагается засиживаться за своими непонятными компами, где еще более непонятные про-

ги.

В кухне стерильная чистота, мать смотрится изящной фарфоровой куколкой. Даже фартучек на ней как украшение, посуда на полках недорогая, но хайтековская, как и плита, шкафчики, люстра, холодильник, окна с автоматическими жалюзи.

Быстро допив кофе, я опустил чашку на столешницу и вскочил.

– Все, бегу!

Она, улыбаясь, подставила щеку, румяную и с тугой кожей, как у юной девушки.

Я ритуально чмокнул и поспешил к двери.

– Сообщи с дороги, – напомнила она, – а то ужин придется есть холодным.

В прихожей, такой же хайтековской, как и вся квартира, все выставочно чисто и строго на своих местах. Обувь на полочках не высовывается из своих норок ни на дюйм, одежда за зеркальной дверью на пластмассовых плечиках ровными рядами, как кремлевские курсанты, а слева от входной двери изящная скамеечка для тех, кто обувается сидя, и фигурный рожек с затейливой ручкой, он помогает всаживать пятки в тесные туфли.

Я сунул ноги в кроссовки, с облегчением выскочил на площадку. На этом этаже на нее выводят двери из шести квартир, кто-то да может подойти и посмотреть в глазок, а то и нажать кнопку видеодомофона, так что я даже в носу не

ковырялся и не чесал помидоры, просто молча и с неподвижным лицом втиснул кнопки вызова обоих лифтов и покорно ждал, в этом проклятом мире всегда кто-то за тобой да наблюдает, ненавижу эту систему гребаного тотального контроля.

Поскрипывает в обеих шахтах, хотя это не значит, что оба идут ко мне, каждый вот так нажимает все кнопки, будто воспользуется всеми кабинками. Наконец в правом дверцы приглашающе распахнулись раньше левого, я торопливо шагнул на чуть качнувшийся пол и сразу же начал расстегивать штаны.

В лифте нет видеонаблюдения, сам проверил, потому едва дверцы закрылись, присел и, даже не тужась, навалил зловонную кучу говна прямо посередине. Лифт неторопливо сползает вниз еще на полпути к первому этажу, когда я закончил и тут же спохватился, что на этот раз не захватил туалетной бумаги. Даже если бы побоялся, что найдут по анализу ломателя этой системы, то можно сунуть в карман, а так все-таки придется быстро застирнуть чуточку испачканные трусы.

До первого этажа осталось меньше минуты, там в это время кто-нибудь уже ждет лифт, надо приготовить скорбную мину и, выйдя, сразу предупредить... все равно увидят нагаженное, не вступите! Я, дескать, ни за что бы не сел в лифт с таким содержимым, но страшно спешу, пришлось терпеть это зловоние, куда милиция смотрит, ах да, она уже поли-

ция...

Представил себе ошарашенные и возмущенные морды, само собой вырвалось злорадное хихиканье, но тут пришла мысль еще лучше: пальцы торопливо нажали кнопку «Стоп», следом нажал вызов девятого этажа.

Лифт потащился наверх, на девятом послушно остановился, я дернулся выходить и даже вышел, чтобы переждать, пока кто-то вызовет лифт вниз... и чуть не ударился лбом о металлические двери, перекрывающие возможность прогуляться по чужой площадке!

– Сволочи, – пробормотал я. – Буржуи проклятые... Мало вас киллеры стреляют... Но мы сломаем эту систему!

За спиной злорадно захлопнулись дверцы, довольно урчащий лифт ушел вниз, а я остался на крохотном пяточке, как в тюремной камере, а передо мной злорадно скалятся кнопки звонков в квартиры этого этажа.

Я в панике развернулся и без конца нажимал обе кнопки, надо перехватить раньше, чем внизу кому-то откроет двери, а вдруг тот, кто вступил в мое дерьмо, придет именно сюда...

Сразу же спросит, что я здесь делаю, и все поймет. Или кто-то из хозяев на этом этаже выйдет из квартиры к лифту, тоже наверняка спросит, чего надо и почему стою здесь. В Москве входит в моду быть бдительным, спрашивать незнакомых: к кому приехал, кого ждете. А если не отвечать или огрызаться, напирая на свои права свободного демокра-

та, эти недочеловеки зовут милицию.

Фу, наконец-то снизу донеслось неспешное поскрипывание. Как ползет, гад, как ползет!.. Уже все похолодело, а колени трясутся.

Торопливо вбежал в кабинку, блин, этот тот же, сам чуть не вляпался, хотя это было бы моей реабилитацией, доехал до двенадцатого, там металлической двери нет, точно знаю, оттуда поднялся на свой тринадцатый, там вышел на общий балкон и постоял минут десять, ожидая, пока лифтом кто-то да воспользуется.

Сердце все еще колотится, как у пойманного зайца. Да что там эти экстремалы, на Эверест лазают без страховки или по стенам сорокаэтажного дома! Пусть вот так насрут в лифт в разгар дня – вот это экстрим из экстримов! И адреналина море.

Наконец я вызвал лифт, спустился, а когда кабинка остановилась и дверцы распахнулись, вышел с безмятежно озабоченным лицом. В холле трое человек, две толстые бабищи и мужичонка с двумя сумками, орут на вахтершу, а та, распахнув двери и держась за них, как бросающийся на амбразуру Матросов, визгливо вопит, что это они сами такие.

Я повел носом, что за вонь, в удивлении оглянулся. Одна из баб зло крикнула мне:

– Тебе повезло, в другом лифте ехал!

– А что там? – спросил я. – Опять насрали?

– Куда вахтерша смотрит! – закричала она снова. – Поче-

му домовый комитет спит? За что деньги платим?

— Надо замок на двери, — сказал я и прошел мимо. — А то эти бомжи достали...

Вахтерша услышала, заорала, что бомжей и на порог не пускает, но я уже не слышал, с усилием отодвинул створку толстой металлической двери с кодовым замком и почти сразу наступил на мелкие осколки разбитой бутылки.

Крупные кто-то ногой отгреб в сторону, по обе стороны от двери их куча, сильно пахнет дешевым пивом. Дверь расписана матерными словами, металлические поручни крыльца как будто кто-то грыз, а все три ступени пощерблены, хотя дому всего два года.

Сегодня суббота, на работу не только мне топать не приходится, но и другим, хотя когда я смотрю на Москву, то кажется, что никто вообще не работает: в будние и выходные одинаково не протолпиться через эту тупую галдящую массу на улицах, в магазинах и даже в редких сквериках.

Из дверей небольшого магазинчика напротив выскочила Люська, девчонка нашей компашки, помчалась вприпрыжку, размахивая переполненным пластмассовым пакетом, веселая и беспечная.

Короткая юбочка задорно развевается, белые кроссовки мелькают, как взлетающие бабочки-капустницы. Ребята говорят, что она никогда не надевает трусики, хотя это, конечно, брехня, это говорят те подростки, не знающие еще про

менструации.

Правда, я сам видел, остановившись под решетчатой лестницей на эстакадное метро, что трусиков на ней в тот день не было, но сейчас это просто мода, ничего особенно крутого, однако если подумать, то можно кое-что заделать в этой области такое, что закачаемся.

Я пошел наперерез, перехватить не успел, она пробежала в пяти шагах, я крикнул:

– Люська!

Она обернулась, веселая, довольная, спросила задорно:

– Че?

Я даже залюбовался ее наивной мордочкой с огромным ртом, где очень полные и слегка вытянутые вперед, как для поцелуя, губы занимают втрое больше места, чем принято, крупные глаза и удивленно вскинутые брови, но когда она в самом деле удивляется, брови залезают еще выше, прячась под ровную челочку.

Абсолютно чистая и ровная кожа натянута настолько туго, что не обвиснет даже в столетнем возрасте.

– Покажи сиськи, – попросил я.

Она одной рукой с готовностью задрала майку, другая рука занята пакетом, посмотрела хитро.

– Классные сиськи, – сказал я искренне, и Люська видела, что говорю правду. – Просто суперские... А вагину?

Она быстро оглянулась по сторонам, с хитренькой мордочкой приподняла юбочку. Там у нее ни волоска, нежное

и чистенькое, губы толстые без всякого геля, Люська из бедной семьи, а та процедура стоит дорого, внутренние половые губы вот прямо сейчас провокационно и зовуще выдвинулись, красные и на глазах наливающиеся розовым жаром.

– Класс, – определил я. – Слушай, давай завтра сгоняем в парк? Я видел, ты ездила как-то с Эдиком. У тебя хороший велик.

Она опустила юбочку, глаза стали серьезными, спросила живо:

– А кто будет еще? Вдвоем скучно.

– Будет Данил, Василек и мы с тобой, – сказал я. – Может быть, еще и Зяму выпустят на волю.

– А-а-а, – сказала она, – веселые парни... А что в парке делать? Сосать у всех не буду, учти.

Я великодушно отмахнулся.

– Да мы о такой ерунде и не думаем. Я ж говорю, будет весело!

Она посмотрела на меня испытующе.

– Не знаю... Я вообще-то наркотой не балуюсь, напиваться тоже не люблю. Мне нравится, когда весело, понял? Но без всякого, всякого...

– Будет весело, – пообещал я. – Мы чего да умеем! Закоптим, зависнем...

Она еще подвигала бровями, это так мыслят женщины, наконец кивнула все еще в сомнении.

– Ладно. Заодно вы мне цепь подтянете. А то ослабела

что-то.

– Все сделаем, – заверил я. – Мы заинтересованы, чтобы велик у тебя был хороший.

Глава 2

В подвале соседнего дома пахнет мочой и конским потом, гремит железо. Трое крепких парнишек, страшно перекашивая и без того бандитские рожи, жмут кто гантели, кто штангу.

Данил работает с W-штангой, качает трицепсы, опуская ее за голову, красный, вздутый. У него все идет легко, мезоморф, прет во все стороны, тугое мясо растет само по себе, он гордо демонстрирует бицепсы в сорок пять сантиметров, обещая за год сделать пятьдесят. Он в гостях всегда озирается в надежде покачаться, а так как железа у нас нет, то либо прогибается в проеме, растягивая мышцы рук, груди и спины, либо отжимается от пола, закинув ноги на стул.

– Привет, – сказал я.

– При...вет, – пропыхтел он, – хошь... пару блинов... для тебя... парниша... сподоблю?

– Я недоморф, – объяснил я, – мне железо вредно.

– Тогда... вон... эспандер...

– Я лучше резинку от трусов порастягиваю, – предложил я. – Если смогу, конечно. Говорят, если с чувством, то все равно мышцы нарастут.

– Ага, – согласился он, – нарастут... как грибы. Опенки.

– Пора прокатиться на великах, – сказал я. – Тебе кардиотренировка просто как бы вроде необходима. Да и мы, нор-

мальные, уже неделю не выбирались.

Он спросил с вялым интересом:

– Кто едет?

– Мы с тобой, Люська... Еще Зяму выманим. Люська обещала точно. Может быть, Василек...

Он опустил штангу на пол, отдышался.

– Василек? Клевый перс. Хотя хитрый, гад.

– Василек?

– Он на меня дважды паровозы скидывал, – объяснил Данил, – а потом не реснул, скотина.

– Так ты ж в чужом клане, – напомнил я. – В первой лиге! Там богатые буржуи, вам подосрать – самое то для пролетариата.

Он сцапал с наклонной скамьи пропотевшую майку и, держа ее скомканную в ладони, двинулся к выходу. Сзади его бугристая спина смотрится просто чудовищной, везет же некоторым из-за удачных генов. Таким стоит только взяться за штангу или гантели – мышцы прут как на дрожжах, а мне хоть усрись, все идет в отходы.

Во дворе он натянул майку на плечи, где та застряла и, красиво обрисовывая каждую мышцу, не желала сползать ниже. Наконец он справился и пошел, чуть раскачиваясь и слегка растопылив руки, но у него это оправдано, косые мышцы развил так, что смотрится почти зримым треугольником от плеч к поясу.

Зяме звонить я не стал, его родители не одобряют улич-

ных знакомств своего чада, но на эсэмэску он ответил почти моментально: на экране моей мобилы высветилось: «20 м».

– Зяма вывернется, – сказал Данил с одобрением. – Хитрый жиденок. Пойдем пока по пивку?

– Пойдем, – ответил я.

Вообще-то пиво почему-то не люблю, хотя признаваться в этом не рискну. Все вокруг не могут без него жить, если не брешут, потому и я пью, хотя если рядом кофейный автомат, то следом выбиваю чашку побольше да чтоб покрепче.

Вообще-то предпочел бы только кофе, он вздрючивает, а пиво расслабляет, а я не люблю эти все расслабоны, меня постоянно трясет в каком-то диком нетерпении бежать и что-то творить, переделывать, переворачивать, ломать систему или хотя бы швыряться камнями...

Зяма – еврейский мальчик из «хорошей» семьи, вышел из подъезда, с трудом отпихивая тяжеленную дверь на могучей пружине, что совсем не просто, когда выводишь еще и велосипед «Merida», хоть и вроде бы из легких сплавов, но универсал, это значит, и колеса широкие, а сам в состоянии выдерживать прыжки с трамплина с седоком любого веса.

Мы крикнули, он развернулся и пошел в нашу сторону, держа обеими руками руль, худосочный, бледнокожий, в больших роговых очках.

Он уже на ходу снял одной рукой очки и, остановившись перед нами, начал протирать большим клетчатым платком.

Данил сказал лениво:

– Ты че не поправишь зрение? Сейчас не только в Федоровке делают, их полно! Сегодня сделают и тут же отправят домой с идеальными гляделками!

Зяма помотал головой, в глазах насмешка, сказал язвительно:

– А разве я в очках не умнее?

– Ну-у, – сказал Данил в сомнении.

– А еще, – объяснил Зяма наставительно, как кот ученый, – они дают необходимую паузу, когда нужно срочно собраться с мыслями и не лохануться с ответом. Вот так это снимаешь с умной морды и тщательно протираешь, а то, дескать, запылились. А за это время что-то да придумаешь, как вас наколоть, мы ж, жида, хитрые, только об этом и думаем!..

– А что, – спросил Данил с сочувствием, – надо что-то придумывать?

– Батя насел, – объяснил Зяма, – чтобы я с таким сбродом не якшался. Вот и думаю...

– Сложная проблема, – посочувствовал я. – Тогда три сильнее, а то вон там еще пятнышко... Это как сигарета, да?.. Пока вытаскиваешь, разминаешь, суешь в пасть и неспешно прикуриваешь, дескать, занят, а сам пока спешно стараешься какую-то хрень сообразить.

– Так у вас же, жидов, – напомнил Данил, – уже есть сигарета. «А таки зачем вы это спрашиваете?»

– А с очками двойная страховка, – ответил Зяма побед-

но. — Я осторожный и запасливый! С гоями иначе нельзя, вас много.

С Зямой хорошо, его не задевают наши шуточки про хитрых жидов, он ржет и в ответ рассказывает про тупых русских, мы тоже ржем, как кони, у нас полный интернационал, а был бы еще и негр, мы бы его звали негром и черножопым, а он нас — белыми и беложопыми, и все мы понимали бы, что это приколы, а на самом деле нет ни жидов, ни негров, ни русских, ни хохлов, а есть нация Интернета и социальных сетей, а все остальное — древняя история, которую нужно сбросить с парохода современности вместе с ее предрассудками, обычаями и устарелыми понятиями. Данил сбегал за своим великом, вместе подъехали к дому, где живет Люська. Она откликнулась на звонок домофона сразу, прощобетала, что сейчас спустится.

Она появилась в шортиках и спортивной маечке, кроссовки самые дешевые и уже стоптанные, велик тоже старенький, только сама Люська, как всегда, свеженькая и чистенькая, как круто сваренное яичко со снятой кожурой.

— У меня велик, — напомнила она сразу. — Привет, Данил... здравствуй, Зяма.

У ее велика в самом деле цепь чуть не задевает землю, как вымя у коровы-рекордистки, но у Данила в бардачке все необходимое. Мы с Зямой положили Люськин велосипед, и Данил, согнувшись в три погибели, начал выбивать лишнее звено и заново натягивать укороченную цепь.

Мимо народ идет остороженько, с одной стороны: мы вроде бы почти тимуровцы, помогаем девушке, а она стоит рядом и даже пальчиком не шевелит, с другой – у нас хреновая репутация, с нами даже Зяме запрещают общаться, а уж приличной девушке...

Хотя у Люськи вообще нет ни отца, ни матери, живет у тети, да и та пьет, мужики у нее ночуют разные. Люська всего насмотрелась, но все равно не пьет и не колется, хотя, конечно, ее перетрахал весь микрорайон, в том числе и мужики в возрасте, что забегают разгрузиться к тете.

Данил с усилием натянул на зубцы большой шестеренки цепь, прокрутил, перещелкивая на остальные четыре, что поменьше, но для скоростей побольше.

– Все, – сказал он довольно, – теперь точно не спадет.

Люська взяла из наших рук руль, довольная, мимо прошли девчонки и видели, как аж трое парней корячатся с ее велосипедом, пусть теперь дохнут от зависти.

– Куда поедем?

– Через сквер, – ответил я, – а там посмотрим.

Сквер длинный, мы пронеслись через него по всей длине, сверкая спицами и пугая прохожих, там дальше чужие районы, нас не знают, еще квартал, а потом ухоженный парк, новый мэр старается как-то облагородить, потерпев неудачу во всех остальных начинаниях, где нужны ум и воля, а также деньги.

Через жилой квартал промчались хоть и лихо, но не на

скорости, а так, чтобы никого не сшибить, а на подъезде к парку Люська осмелела, сперва задрала маечку, обнажив сиськи, а потом сняла ее и повесила на руль.

Так проехали вдоль шоссе до «зебры», там уже ждут зеленого света пятеро: супружеская пара, как говорят, среднего возраста, хотя, на мой взгляд, это древние пердуны лет по пятьдесят, которые зря копят землю, и двое парней с малолетней девчонкой.

Люська, молодец, удержалась от того, чтобы спрятать сиськи, а мы приблизились к ней теснее, обеспечивая поддержку. Девчонка сразу вперилась в ее сиськи жадными глазами, я видел во взгляде пацанки торопливый расчет: ей можно или еще рано показывать ее прыщики, что пока только наметились на месте будущего вымени, скорее бы отросли, чтобы вот так дразнить народ...

Парни сперва обалдели, затем начали стыдливо хихикать и толкать друг друга локтями. Супружеская пара не обращала внимания, что там творится за их спинами, застыли у самой бровки, вперив взгляды в красный сигнал светофора, чтобы первыми шагнуть на проезжую часть, как только тот сменится зеленым.

Данил подмигнул Люське, держись, все идет хорошо. На той стороне вспыхнул зеленый, супружеская пара торопливо ступила на шоссе, надо успеть перейти эту широченную полосу, не пережидая посредине, а мы, работая педалями, пересекли автостраду.

Люська чуть не упала, не сумев поднять на бровку переднее колесо, пришлось слезть, завести велик наверх, а уже там снова взобраться в седло.

Сзади свистнули, но теперь уже и у нас, как в гнилой Америке, так выражают не осуждение, а восторг. Свистели, полагаю, не супруги. Думаю, они вообще ничего не заметили.

Зяма оглянулся на Люську, та едет довольная, раскрасневшаяся и сияющая, сказал бодро:

– А что, мы крутые!.. Можно, наверное, уже и шорты долой.

Люська сказала трусливо:

– Что, вот так сразу?

– А что мешает?

– Нет, давайте сперва я так поезжу...

– Понравилось? – спросил он понимающе.

– Еще бы, – призналась Люська. – У меня и так уже там мокро. Это так возбуждает... даже не знаю, ничего не заводит так атомно!

Ветер шелестит в ушах и треплет волосы, мы влетели под сень, как говорится, вековых дубов, дальше пошли клены и вязы, дорожки хоть и узкие, но заасфальтированы, можно бы разогнаться, но тут зачем-то еще и гуляют.

Я прислушался к приглушенному грохоту.

– Сейчас час пик?.. Значит, электрички прут одна за другой... Айда к эстакаде! Там сейчас через каждые три минуты поезд метро проскакивает...

Данил воскликнул обрадованно:

– Ага, клево! Там совсем близко. Все и увидят, а сделать ничо не смогут...

– Пряма Эзоп, – сказал Зяма.

Данил изумился:

– Какой Эзоп?

– Который лиса и виноград, – объяснил Зяма победно.

Деревья метнулись навстречу, тропка там слабенькая, не к станции же, велики мощно подпрыгивают на выступающих из земли толстых корнях, набивая нам задницы, руль пытается вырваться, только что не храпит, как норовистый конь, а ветки то и дело нагибаются, вроде бы не сами, а ветер их гнет, хотя его нет, и стараются злобно хватануть за волосы.

Наконец впереди просвет за деревьями, мы выметнулись на простор, впереди железнодорожная колея.

Зяма вскрикнул:

– Электричка!.. Люська?

Мы поспешно оставили велики, Люська торопливо сняла шорты и выпрямилась во всем нагом блеске. Электричка несется не так уж и быстро, как кажется, станции расположены часто, не успевает и разогнаться, потому в вагонах увидели ее сразу и сразу кинулись к окнам.

А мы смотрели на приникшие к стеклам бледные рожи и довольно ржали. Люська вскинула руки и подвигала бедрами и сиськами, потом подхватила их ладонями и поиграла, быстро поднимая по очереди вверх-вниз.

Видно, как там жестикулируют, рожи довольные, но видит око, да зуб неймет, а когда электричка промчалась, Люська повернулась к нам довольная, раскрасневшаяся, вся как будто светится изнутри.

– Ну как?

– Ты их завела, – крикнул Данил.

– Как выходить будут на станции? – поинтересовался Зяма. – Там скажут, прибыл целый вагон извращенцев...

– Га-га-га! – загрохотал Данил. – Класс!

– Через две минуты следующая, – сказал Зяма.

Люська протанцевала еще три электрички, все больше входя в роль страстной соблазнительницы, хотя, как все мы знаем, вязка ей по фигу, кайфа не ловит, наконец сказала счастливо:

– Это здорово... но уже одно и то же. Хотя и здорово!

Я сказал таинственно:

– Есть и другие места.

– Где? – спросила она, но голос прозвучал с некоторым опасением.

Я ответить не успел, Зяма вклинился:

– А давайте прямо через парк?.. Там дальше сейчас прогуливаются эти... ну, которые здоровье берегут.

– Пенсионеры? – спросил Данил.

– Сам ты пенсионер, – оскорбился Зяма. – Сейчас это уже совсем не стыдно, а даже модно – здоровье беречь. И моложе тебя там есть!

Данила спросил с недоумением:

– А че они делают?

– Прогуливаются, – объяснил Зяма, – здоровье берегут. Медленно дышат. Некоторые даже травку едят. Правда-правда!.. Сам видел, как листочки срывают, самые молоденькие, и едят.

Данил усомнился, видно по морде, проговорил в сомнении:

– А такие кроме своего здоровья че-нить видят? А то и на твою голую жопу не среагируют.

– На мою еще как среагируют, – хвастливо сказал Зяма. – Но мы им предлагаем новый вид искусства! Андерграунд, вроде афроамериканского квадрата. Потому покажем Люську. Вернее, ее жопу.

Все трое посмотрели на меня, я сказал солидно:

– Все верно, потренируемся сперва на таких.

Данил оглядел Люську с головы до ног:

– Так и поедешь?

– Ну не сразу, – ответила она, отступая. – Пока только без майки... Эй-эй, я и сама могу одеться!

Зяма сказал лихо:

– Идет!.. Поехали!.. Толик, команду!

Я кивнул:

– По коням!

Но, хитро улыбнувшись, Люська упрятала в рюкзачок шорты и трусы и, оставшись в майке, взобралась в седло. Да-

нил начал отпускать шуточки, не слишком ли поднят передний кончик седла, не натрет ли клитор, а мы с Зямой молча и со стучащими от возбуждения сердцами взобрались на велосипеды.

Люська оглянулась на меня, я сказал «го», и все четверо рванули на средней скорости через парк, сперва выбирая дорожки, где нет народу, а потом перешли на те, где прохожие все же попадаютсЯ.

Большинство из тех, кто идет навстречу, вообще ничего не замечает, все-таки Люська наклоняется к рулю, ноги работают, скидывая колени к груди, но были и замечающие из тех, которых мы обгоняли.

Я видел, как Люська краснеет от бесстыжего наслаждения: маечка короткая, даже спереди до пупка, а если пригнуться, пышная приподнятая жопа не просто обозрима во всей красе, но эти сочные, уж не детские ягодицы так и просятся в жадные ладони.

Сперва мы слышали за спиной одиночный удивленный возглас, но унеслись чересчур быстро, но когда начали обгонять вторую группу, в ней четверо, Люська сама снизила скорость и проехала настолько близко, что крайнего едва не задела локтем. Наверняка на них пахнуло жаром ее тела и зовущими гормонами.

Когда впереди показалась небольшая группа очень серьезных мужчин с постными лицами, Люська нарочито приотсталА, а когда мы уже проскочили мимо них, начала дого-

нять, приподнимаясь на седле и усиленно бросая вес всего тела поочередно на педали.

Роскошная задница не просто приоткрыла даже то, что закрывает седлом, но обе ягодицы двигаются, как могучие поршни, помогая давить на педали, половая щель разбухла от прилива крови, кожаная поверхность отполированного седла влажно заблестела.

Вдогонку ахали, кто в изумлении, кто в восторге, один даже заплодировал вслед.

Данил расхохотался:

– Да, мужички получили зрелище по полной!..

– В театр сегодня не пойдут, – согласился Зяма, – да и жвачник куда ни переключат, скажут, везде говно и невкусно...

– Да, каждый бы предпочел укусить Люську за жопу, – согласился я. – Вот так и надо пощечину общественному вкусу... со всего размаху!

Зяма сказал убежденно:

– Люська, ты сегодня хоть одного да вырвала из их упаднических рядов! И вогнала в здоровую жизнь. У них уже на травке и листиках полная импотенция, но ты взбудоражила их, взбудоражила без всякой виагры.

Данил захохотал:

– Сейчас кто-то уже дрожит, забравшись в кусты, а кто поскромнее, дотерпит до дома, до теплой ванны...

Я сказал важно:

– Люське рукопожатие перед строем! Остальным... похлопывание по плечу.

Однако Данил вдруг надулся и сказал раздраженно:

– Это что, мы вместо того, чтобы насрать им, еще и спасаем? Нет, я хочу слышать возмущенные вопли старичья, тупых пенсионеров и этих... ну этих, как ты говорил, бугор... старых жидов...

– Ортодоксов, – пояснил я, – только это необязательно евреи. Хотя хасиды, конечно, самые ортодоксальные на свете... ну, это Зяма лучше знает, он у нас скоро станет главным раввином Москвы. А мы ему обеспечим интернациональную поддержку.

Данил сказал решительно:

– Тогда пойдем их дразнить?

Я кивнул на Зяму:

– Вот он специалист по хасидам.

– Не получится, – ответил Зяма с сожалением. – Они в самом центре! Там тесные улочки, на велике не проехать. Да и удрать не получится. К ним потом как-нибудь подберемся, а пока давайте приобретать боевой опыт здесь.

Данил подумал, сказал с сомнением:

– Еще мимо пивного киоска можно... Там на выходе из парка.

– Не пойдет, – сказал Зяма и объяснил: – После пива у всех нет эрекции, так что тамошние мужички только проводят мутными глазками. А нам это надо?

– Это да, – согласился Данил. – Возле пивных ларьков можно гулять сколько угодно!.. Это возле шашлычных нельзя...

Зяма облизнулся.

– Да, после горячего шашлычка из баранины... да ладно, из любого мяса, где в Москве взять баранину, здесь шашлыки делают из чего угодно!.. Да с аджичкой и перчиком... м-м-м-м!.. Не то что женщину, любого ишака готов изнасиловать.

Глава 3

Василек так и не появился, на звонки отвечал, что горит на внеплановой работе, калым попался, грех терять, когда пришли трое таких лохов, таких лохов...

Мы гоняли еще часов семь, дважды останавливались перекусить в придорожных кафешках, а вечером той же компашкой собрались у Данила, у него мать ушла в ночную смену, а отца и не было, квартира двухкомнатная, обшарпанная, но нам такое нравится чем-то даже больше, есть нечто от логова разбойников, лихих бунтарей, как мы.

Его комнатка крохотная, только и помещается, что стол, три стула да кровать, а еще на стене три полки, куда складывают диски, харды и флешки.

Зяма сразу сел за стол и врубил комп, заявил, что надо заглянуть в фейсбук и насрать в коментах всем, кто попадется. Данил вытащил из ящика под столом бутылку вина, а Люська начала перебирать диски на полке, Данил хоть и качает все на халяву с торрентов, но от лазерных дисков не избавляется, говорит, что будет коллекционировать, а потом продаст за большие бабки как антиквариат.

На почетном месте у Данила старый фильм «Смоки и бандит», Данил его обожает, там полиция штатов гоняется за главным героем на роскошных полицейских машинах по дорогам штата, тот уворачивается так ловко, что десятки по-

лицейских машин бьются лоб в лоб через каждые две-три минуты, и он снова ускользает, а еще ему помогают водилы-дальнобойщики.

Полицейские, понятно, тупые сволочи, не позволяют превышать скорость, но бандит – лихой парень, водит машину так умело, что полицейские снова и снова на полной скорости лоб в лоб о деревья, о стены, падают с моста в реку, влезают в болото и тут же тонут.

И, конечно, хеппи-энд, бандит всех победил, а тупые полицейские, из тех, что уцелели, с тоской смотрят вслед. А бандит с красоткой и чемоданом долларов уносятся в счастливую даль другого штата, где эта полиция уже не имеет власти.

Люська уселась на высокий подоконник, упершись спиной в стену, так поглядывала одним глазом на улицу, другим в нашу сторону. Ноги сперва подобрала наверх, согнув колени, так что пиюетка видна во всей красе, потом одну конечность красиво вытянула во всю длину, уперев подошву в другую стену, другую оставила согнутой, красивая такая и мечтательно-загадочная.

Данил разлил вино по стаканам, себе налил в чашку, стаканов всего три, поднял свой и сказал бодро:

– Ну, за пиратов?

– За карбонариев, – сказал Зяма непонятно, он вообще часто употребляет словечки, которые не все из нас знают, хотя это преимущества теперь не дает: дядька гугль знает все, в

два клика на мобильнике я отыщу любую информашку, и никто не сможет глумиться, что назапоминал больше.

– За флибустьеров, – сказал я.

– За корсаров, – поддержала Люська.

Мы чокнулись, в нашей среде нет никого и ничего популярнее, чем пиратские торренты, а группа Анонимус, что взламывает сайты и срет там на главных страницах государственных структур, – самые любимые герои, опережают всяких там бэтменов и суперменов.

Зяма только чуть помочил губы в вине, облизнулся и сказал, глядя надвигающийся кадык Данила:

– Народ безмолвствует, пока жует... или пьет.

Данил отдышался, сказал недовольно:

– Ты чего? Дебаты перед выборами смотришь?.. А мне предвыборные обещания напоминают торговлю с папуасами.

– Сам ты Миклухо-Маклай!

Люська сказала обидчиво:

– У них получается, что и погоду выбирали мы сами!

– Нужна революция, – сказал я со злостью. – Чтоб освободила нас от этой проклятой власти.

Зяма сказал хмуро:

– Все революции освобождают только рыб в аквариумах.

У меня звякнул мобильник, я выловил его из кармана, там появилась аватара злобного протоса с миниганом в щупальцах, сказал всем:

– Грекор...

Данил сказал решительно:

– Зови. Он хоть и дурак, но хороший дурак.

– Зови, – поддержал его Зяма.

Люська заулыбалась:

– Он правда клевый. Хоть и смешной.

Я включил связь, ответил на «привет, чувак!» и сказал сразу:

– Мы зависаем у Данила. Если хочешь, заходи.

– Буду через десять минут, – ответил Грекор быстро.

Он явился не через десять, это сказал для солидности, а через пять, не вошел, а почти вбежал, высокий, смуглый и черноволосый, с живыми блестящими глазами и кудрявыми волосами, в плечах еще шире Данила, а бицепсами постоянно ревниво меряются, Грекор отстаёт аж на два сантиметра, жуть, как жить, хотя и уверяет, что это все из-за недоразвитости трицепсов. Раньше бы сказали, что смахивает на цыгана или еврея, но теперь все подозревают кавказца или среднеазиата, хотя он страстно уверяет насчет родства с южными славянами, а они там, дескать, все черные.

Имя, правда, теперь ничего не говорит, родители все выначиваются, придумывая своим что-то необычное, из-за чего нашего Данила постоянно называют Данилой или Даниилом, он давно забодался поправлять и теперь только следит, чтобы в документах и всяких справках писали правильно, а то вообще кранты: без правильной бумажки ты букаш-

ка даже в Африке.

– Всем привет! – сказал Грекор весело. – Как жисть?

Данил ногой пихнул в его сторону табуретку.

– Нормуль. Садись. Что-то у тебя морда лица, как у зерга...

– Вчера три бутылки вина выпил, – сообщил Грекор бодро. – И ни в одном глазу! И сейчас никакого похмелья.

Мы улыбались, переглядывались, даже Люська понимающе вскинула брови и посмотрела на него особым взглядом, но никто не сказал ни слова, только прямодушный Данил спросил:

– Ты брехло или скотина?

Грекор оскорбленно вскинулся:

– Ты чего?.. Ребята, он с дуба рухнул?

Зяма, сориентировавшись быстрее других, сказал оценивающе:

– Думаю, брехло.

– А не скотина? – спросил Данил с сомнением.

– Может, и скотина, – согласился Зяма, – но меня учили видеть в человеке хорошее, а, по-моему, быть брехлом лучше, не так ли?

– А скотиной легче, – возразил Данил.

Грекор сказал обиженно и с непониманием:

– Это чего так?

– Только скотина, – пояснил Зяма и выставил перед собой растопыренную пятерню, показывая, что объясняет для до-

ступности некоторым вообще на пальцах, – даже животное, может выпить три бутылки вина за один вечер. Так ты брехло или скотина?

Грекор застыл с открытым ртом, Данил и Зяма посмеиваются, хихикают даже, Грекор слишком уж прост, и по его роже видно, когда вдруг начинает думать то, что уже брякнул чуть раньше.

Я подумал, что Грекор может пригодиться в нашей складывающейся компашке, сказал мягко:

– Данил, ты слишком категоричен. Мы все здесь с некоторыми слабостями, даже с девиантностями, как все тонко чувствующие люди с высокой нервной организацией, прости за сложное для тебя слово. Грекор такой же, как и все мы, понял?.. В основе своей.

Данил поморщился, но смолчал, зато Грекор посмотрел на меня с великой благодарностью, и я понял, что этот теперь пойдет за мной, как верный солдат нашей великой миссии.

– Ладно, – сказал Зяма, – мне сегодняшней рейд понравился. Пощечина общественному вкусу получилась хлесткой. Маяковскому такая и не снилась!

Данил прорычал сладострастно:

– Надо повторить...

– Пусть Маяковский там в гробу завидует, – сказала Люська.

– Повторим, – согласился я. – Только на этот раз что-то иное. Мы же творческие люди? Вот и натворим.

– Обдумаем сперва или потом? – поинтересовался Зяма.

– Мы творческие, – повторил я с достоинством. – Сперва сперва, а потом... нет, не потом, а на месте тоже внесем коррективы, если сумеем что-то улучшить, мы же талантливые.

– В смысле, – уточнил Зяма, – ухудшить?

– Для системы, – согласился я. – А для нас это улучшить. Разве мы не борцы с этим миром, угнетающим человека и навязывающим ему запрограммированное поведение?

Они гордо заулыбались, расправляют плечи, в глазах гордость, мы не существа, подобные старшему поколению, что просто существуют, даже не понимая зачем, а мы ищем смысл и находим его в борьбе с системой.

Зяма сказал, загораясь:

– А что, если попробовать насрать на эскалаторе? В метро?

Данил, вечный бунтарь, но и вечный скептик, пробурчал:

– А как? Ты только штаны спустишь и присядешь, как тебя пнут под зад. И будешь катиться до самого низа!

– Все спешат, – поддержал Грекор. – Пнут потому, что наткнутся. А в правом ряду срать бесполезно – там все стоят, никто не сойдет с места, пока последняя ступенька эскалатора не уйдет в гребенку. А там говно растрясется... Когда лента снова выйдет наверх, уже и следа не будет.

– А если слева, – сказал неунывающий Зяма, – но вечером? Народу хоть и меньше, но есть! Нетерпеливые вообще бегут.

– На эскалаторе все смотрят под ноги, – напомнил Данил, – это не на улице, где смотрят по сторонам.

– Смотрят-то смотрят, – сказал Зяма, – но сейчас электроэнергию экономят, поручни видно хорошо, а внизу темень... Что скажешь, бугор?

Я подумал, сказал уклончиво:

– Попробовать можно. Хотя я и сомневаюсь... Лучше на тротуаре насрать. Пойдем впятером, надо взять длинные плащи, чтобы прикрыть, когда Зяма штаны снимет.

– Почему я?

– А кто лучше всех срет?

– Данил лучше! Он такие кучи валит!.. Не перепрыгнешь!

Я сказал примирительно:

– В данном случае важнее, кто быстрее, а не кто больше. Лучше, думаю, это делать Люське. Она во всем быстрая.

Люська блыгнула глазищами с подозрением.

– Ты на что намекаешь?

Я сказал с подчеркнутым испугом:

– Люська, это же комплимент! Ты быстрая, как белка! Красивая белка!

– Ну ладно, – сказала Люська все еще с надутыми губами, – пока убивать не буду.

Данил кого-то слушал по телефону, кивал, не скоро откажется от этой привычки, наконец сказал:

– Что, с пирожками? Маринка, ты просто чудо! Приходи, мы тебя в жопу расцелуем!

Глава 4

В дверь постучали, наши было задвигали носами, приняв-хиваясь, Марину с пирожками всегда слышно еще с лифта, но это пришел приятель Данила Юрик, тихий парнишка, мечтающий нарастить такие же мышцы, как у Данила, застенчиво поздоровался со всеми и уединился в уголке. Обычно он во всем старается подчеркнуть независимость и бунтарскость, пьет и курит, хотя самому противно, вижу, громко ржет, рассказывает похабные анекдоты, но с нами такое не пройдет, видим как облупленного, потому сидит тихо, только слушает и попискивает.

Марина явилась как Красная Шапочка, широкая улыбка на довольном лице и плетеная корзина, накрытая чистым полотенцем, из-под которого по всей квартире поплыли умопомрачительные ароматы.

– Налетай, – сказала она поощрительно, – кто больше всех съест, того возьму подкармливать на ночь.

Немолодая, по нашим меркам почти старая, ей уже сорок и, как осуждающе говорят соседи, в матери годится любому из нашей компашки, но еще бодрая, ездит на велосипеде, одевается стильно и броско, хотя красится чересчур, из-за чего морда выглядит матрешечной, а так ничего, веселая, трахаться предпочитает только с малолетками. Наверное, так поддерживает себе молодость. Ученые Бостонско-

го универа сообщили в ежемесячном вестнике, что мужская сперма приживается в мозгу женщины, делает ее моложе и активнее, вот она и пользуется этим бесплатным и эффективным средством, где, как говорится, все в одном.

– Анатолий? – спросила она.

– Дай и мне пирожок побольше, – ответил я. – Во всем-то ты хороша, Марина.

Она польщенно улыбнулась, понимая, что я имею в виду. Несколько раз, выезжая с нами в дальние прогулки, она тоже обожает демонстрировать сиськи, но не задирает майку, а напротив – вываливает обе поверх, они у нее втрое крупнее Люськиных и, честно говоря, возбуждают сильнее то ли размерами, то ли не такой уж и правильностью, что подразумевает нечто более плотское, чем созерцание Люськиных округлостей, выполненных словно с помощью циркуля и совершенных инженерных инструментов.

А еще она тоже носит очень коротенькую юбочку и не носит трусики, так что обожает либо подниматься по крутой лесенке, когда внизу сидят мужчины, либо сильно наклоняться, поправляя шнурки на кроссовках, так что сзади хорошо видны хорошо выбритые припухлые губы, которыми она всегда очень гордится.

Вот Ленка и Оксана, рассказывала она нам с жаром, впрыскивают силикон в свои нижние губы, а у меня смотри какие, и без него полные и всегда вздутые... И охотно показывала, ошарашивая парней, что не ожидали такой уж пре-

дельной вольности.

Она всегда охотно откликалась на «Девушка, покажи сиськи!», но не все догадывались, что ей можно сказать и «Девушка, покажи письку!», ее тоже охотно продемонстрирует, благо низ животика вылеплен идеально, волосики подбывает умело и эротично, а внешние половые губы у нее огромные, сочные, всегда зовуще розовые и вздутые. При малейшем прикосновении выпрыгивает клитор, самый огромный в Бутово, тут же наполняется кровью, вздувается, растет в размерах.

Мне всегда было интересно смотреть, как реагируют на ее выходки люди. Если верить карикатурам, мужчины тарашатся охотно, а жены их зло оттаскивают, но на самом деле мужчины окидывают взглядом с вялым интересом: на обнаженную женщину приятнее смотреть, чем на забор или дерево по дороге, женщины иногда фыркают, иногда смотрят внимательно: так ли уж хорош у нее пирсинг в пупке, чаще всего бросят равнодушный взгляд и топают дальше: у каждой есть сиськи, не удивишь.

Никто не зовет милицию, не возмущается падением нравов. То ли всем до фени, то ли абсолютному большинству такое нравится. Я долго раздумывал и пришел к выводу, что все-таки верно последнее. Даже самым благопристойным и добропорядочным нравятся нарушители и нарушения. То есть закон, который я открыл самостоятельно, работает и в этом случае.

Под пирожки и легкое вино мы разработали план, как выразить свои чувства и навредить системе, разломав автобусный павильон на остановке. Сделали его по новой технологии, ажурный и такой изящный, что так и хочется шарахнуть ломом со всей дури, аж зубы свело от желания все это разнести к такой матери, чтобы это вот все не давило нашу самобытность и не подгоняло нас под общий знаменатель.

Зяма проверил по инету и накопал, что там не хрупкое стекло на крыше и стенках, как показалась сначала, а то ли прозрачайший полистирол, то ли все-таки стекло, его тоже используют для таких укрытий, но трехслойное с перекрещивающимися волокнами, не рассыплется, как обещают конструкторы, даже от сильного удара.

Зяма вырубил комп и сказал победно:

– В общем, крыша и стены павильона рассчитаны выдерживать самый крупный град!.. Но если Данил шарахнется туда головой, такое надругательство и лобовая броня танка не выдержит. Так что можем, да, у нас получится. Бугор?

– Запасемся инструментом, – решил я. – У меня есть ломик с острым концом...

– Фомка? – спросил Зяма с интересом.

Я поморщился:

– Какой ты блатюк! Пусть и фомка, мне все равно, как ее называли в Одессе Остапа Бендера. Данил возьмет молоток, у него их целая куча.

– А мы с Грекором? – спросила Люська живо. – Грекор, ты с нами?

– Хоть на край света, – откликнулся Грекор. – А то и дальше. А куда?

– Вы с Грекором, – распорядился я, – попробуете сперва камнями. Потом мы с Данилом, как тяжелая артиллерия.

Зяма огляделся, Люська все еще сидит на подоконнике, хотя за это время дважды сгоняла в туалет, а еще ненадолго исчезала на кухне, кого-то разгрузила по доброте сердца, Данил с Грекором рассматривают карту города.

– А где Юрик?

Данил поднял голову, огляделся.

– А в самом деле, так тихо испарился.

– Да не один, – сказал Грекор с усмешечкой, – а с Мариной. Она его увела откармливать пирожками. Утром выпустит совсем худого, парнише будет не до протестов и ломки системы.

– Когда туда идем, – втолковывал я, – то идем кучей, понятно?.. Вот как щас. А когда крикну «шухер», все врассыпную, поняли?

– А почему не вместе? – спросил Грекор обиженно. – Туда вместе, а назад порознь?

– И назад вместе, – сказал я терпеливо. – А врассыпную, если шухер, понял? Потому что когда ломанемся удирать все в одну сторону, нас догонят и повяжут. А когда в разные, любой сперва остановится в растерянности: кого из нас ловить,

а для нас одна-две секунды форы – это уже победа! Чаше всего преследователь, видя, что потерял драгоценное время, уже вообще не гонится.

Данил сказал уважительно:

– Даешь, братан! Хорошая тактика.

Я сказал, подбодренный:

– Все запомнили? Сейчас по домам, хорошенько отоспитесь, ведите себя весь день хорошо, а то играть в песочнице не отпустят. Встречаемся на углу часов так это в десять вечера.

– Надежнее в полночь, – сказал Зяма. – В десять еще везде народу полно.

– В полночь тебя отпустят родители? – спросил Данил ехидно. – А еще человечество собираешься покорять, марсианин хренов!

Кофейный автомат постоянно прикалывается надо мной, хозяином и господином. Как ни настраивай, всегда наливает чашку «с горкой», обязательно прольешь, пока несешь к столу, а он злорадно хихикает.

Если же попытаться отпить, обжигаясь, из чашки еще на кофейном поддоне, будто конь какой, что ест и пьет только стоя, то этот гад ржет во весь голос и самодовольно думает, что вот еще немного и они совсем покорят человечество, хотя уже и так тренируется, покрикивая: «Досыпьте зерна», «Долейте воды», «Уберите отходы», а я, царь природы, вы-

нужден убирать за ним... и кто из нас срун?

Я выпил две большие подряд, забросил в пасть таблетку алертека и вышел на улицу.

Вечером город становится настолько непохожим на тот, что был здесь днем, что я иногда теряюсь, когда дома стоят совсем не те на месте привычных, будничных и серых, а тротуар, никакой прежде, блестит, вымытый струями поливальных машин, и все хоть чуть заметные здания подсвечены снизу так ловко, что верхние половины как бы царственно парят в воздухе, тяжелые, как межзвездные авианосцы.

Мы сперва собрались в скверике и терпеливо выждали, коротая время с баночным пивом, а когда город начал затихать, прошли за деревьями на ту сторону, там микрорайон тихий, движения почти нет, а троллейбусы начинают ходить с интервалами в сорок минут.

На остановке вроде бы никого. Мы прошли к павильону, зорко оглядываясь по сторонам. Внутри тоже пусто, только на лавке ошметки засаленных газет, старые пластиковые пакеты и пара разбитых вдребезг бутылок, остались только горлышки, каждый выражает свое отношение к системе в меру своей отваги.

Данил первым ударил в полупрозрачную стену бейсбольной битой, мы все вздрогнули от грохота. У меня кишки завязались в узел, вот сейчас со всех сторон сбегутся менты и всех нас повяжут...

Грекор встал рядом с Данилом и начал лупить монтиров-

кой. Грохот стал отвратительным, что-то оглушительно хрустящее, лучше бы по листу железа, хоть и громче, но как-то привычнее, а это мерзко...

Внутри меня страх в одно мгновение перешел в осата-нелость, мое тело словно само ринулось в павильон, руки со свирепой радостью, даже с ликованием разламывают скамью, орудуя ломиком, как рычагом, а Данил, Грекор и Зяма остервенело лупят по стенам этой хайтековской остановки.

Зяма оглядывается по сторонам чаще всех, он же и зашептал мне с жаром:

– Смотри-смотри, какой-то козел смотрит...

В тени у забора в двух десятках шагов остановился парень и наблюдал за нами. Я хотел было крикнуть «шухер», но парняга просто смотрит, тревогу не поднимает, даже не попятился, как обычно делают в таких случаях.

Данил и Грекор продолжают остервенело бить по стеклам. Сволочи понаставили бронебойных, уже от трещин белые, как паутина, но все не рассыпаются. Наконец Данил вломился чуть ли не головой, как и советовал Зяма.

Я услышал звон падающих то ли стекол, то ли стекловидных пластин. С ломиком в руке я сделал шаг к парню.

– Ну что, – спросил я негромко, – тебе такое нравится?

Невысокий, интеллигентного сложения и хорошо одетый, даже тщательно, словно отслушал «Травиату» в оперном, он опасливо косился на мою фомку, но ответил почти недрогнувшим голосом и очень вежливо:

– Да, познавательно.

– А ты кто будешь? – спросил я. – Чего смотришь, как в кино?

Он примирительно усмехнулся:

– Извини, но в самом деле интересно. Вы сегодня случайно, или у вас это уже организовано?

Я спросил настороженно:

– А что, бывают и организации?

– Не знаю, – ответил он, – но, по моей теории, если и нет, то обязательно должны быть.

– По твоей теории? А ты кто?

Он ответил с извиняющейся улыбкой:

– Я пишу кандидатскую... на близкую вот к этим действиям тему.

– А-а-а, – сказал я решительно, – ну тогда проверим, кто ты есть на самом деле. Возьми, брось вот это!

Я поднял с земли булыжник. Он взял очень нерешительно, я указал взглядом на разгромленную остановку. Стекла уже усеяли асфальтированную площадку, Данил и Грекор остервенело пытаются выдрать остатки скамейки, Зяма с наслаждением колотит монтировкой по всему, по чему попадет.

Аспирант подошел ближе, камень бросил достаточно неумело, как бросают женщины, едва не попав в Данила.

Камень ударил в последнее уцелевшее стекло, отскочил и покатился по осколкам.

– Хорошо, – одобрил я, – с боевым крещением тебя. Пацаны! Заканчиваем. Все, отступление с победой. Ты... как тебя?

– Валентин.

– Валентин, идешь с нами?

Он ответил живо:

– С превеликим удовольствием!

Моя команда посмотрела на него косо и с диким удивлением, слишком уж не наш по облику да и по тому, как строит и произносит фразы, чересчур интеллигентен, весь какой-то книжный и правильный.

Мое же сердце, напротив, радостно стучало в неясном ощущении открывающихся перспектив. В чем они могут проявиться, не могу и прояснить, но всеми фибрами чувствую, что появление этого Валентина, аспирант он или нет, – некий знак.

Глава 5

У матери Данила сегодня ночует хахаль, зато у Данила есть ключ от качалки. Мы тихонько, стараясь не выдавать себя надрасдным скрипом, отворили железную дверь подвала.

Данил нащупал в темноте включатель, вспыхнул яркий после ночной тьмы свет, мы спустились по стертым выщербленным ступенькам в подвал.

В зале с низким потолком все еще чувствуется запах пота, смешанный с сыростью, на стенах кое-где потеки от дождя недельной давности.

Мы расселись на прямых и наклонных скамьях, у всех щеки и глаза горят, я сам чувствую, как стучит мое сердце, адреналин зашкаливает. Это не на какой-то сраный Эверест подниматься, куда нас старается спроводить власть, мы действуем и будем действовать здесь, как городские партизаны против несправедливости и насилия Кремля, как народные мстители.

Валентин сел на скамью рядом с Данилом, тот покосился с неодобрением, когда новичок вытащил мобильник, а Валентин сказал виновато:

– Надо сообщить родителям, что задержусь немножко.

Данил фыркнул:

– Все еще контролируют? Ну ты даешь.

– Они заботливые, – ответил Валентин. – Люся, ты мо-

жешь хихикнуть, когда буду разговаривать?

Люська сделала большие глаза, но когда из мобильного донеслись неразборчивые голоса, а Валентин начал сбивчиво и виновато объяснять, что он еще чуть задержится, нет-нет, все в порядке, она заговорила громко и весело:

– Милый, я уже под одеялком! Ты скоро?

Голоса в мобильнике сразу оборвались. Валентин послушал еще пару секунд, вырубил связь и улыбнулся Люське.

– Спасибо.

Зяма сказал ядовито:

– Это для тебя оправдание?

– Ну да, – ответил Валентин с неловкостью.

– А че, – спросил Данил, – бояться, гомосечничать начнешь? Или кто-то тебя начнет в жопу шпилить?

Валентин поморщился:

– Нет, просто все мои сокурсники на вечеринках и в ночных клубах, а мне вот, как уроду какому, нравится работать. Вот и родители и беспокоятся, все ли со мной в порядке.

Грекор хохотнул:

– Ну, вот так работать, швыряя камни в павильоны, это ниче так, можно! Еще и диссертацию пишешь?

– Да, – ответил Валентин скромно.

– И что, – спросил Грекор с недоверием, – кандидата дадут?

– Возможно, – ответил Валентин и опустил глазки, – даже доктора. Я поднял очень сложные вопросы и даю им очень

неожиданные ответы и нестандартное толкование.

Все замолчали и уставились на него, как на привидение. В головы не укладывается, что с нами может сидеть доктор наук, хоть и будущий.

Я сказал строго, после успешной операции моя роль повышается сама по себе, а голос звучит увереннее:

– Проведем разбор полетов! Посмотрим, что сделали так, а что не так, проэкстраполируем на будущее... Мы только начали ломать эту чертову систему угнетения человека человеком!

Данил прогудел озадаченно:

– Какой разбор? Все прошло как по маслу.

– Безукоризненно, – согласился Зяма.

Грекор сказал залихватски:

– Эх, сейчас бы пивком отпраздновать... А лучше – водочкой!

– Запасов не держим, – ответил Данил. – К тому же тут качалка, не заметил? Какая, на хрен, водочка?

– У меня есть, – сообщил Грекор заговорщицки.

– Неси, – велел я. – Тебе тут рядом. Мы подождем, только не перебуди там своих.

– Они оба в хлам пьяные, – ответил Грекор.

Данил сказал строго в спину:

– А мне пива... если есть.

Грекор обернулся быстро, мы все живем в соседних до-

мах, потому и слились в компашке, в рюкзаке позвякивают бутылки. Зяма посмотрел на его малость испуганное лицо, посочувствовал:

– У бати спер?

Грекор ответил зло:

– Он и не вспомнит утром, сколько выжрал!.. Кто заказывал пиво?

Пиво заказывали, как оказалось, все, только Грекор остался с бутылкой водки. Компанию ему составил бы разве что Юрик, но тот, похоже, снова в постели у Марины, а мы взяли из упаковки по банке.

Данил осушил одним махом, Я пил мелкими глотками, Валентин и Люська больше вертели в руках, Люське вообще нравится все сладкое, а пиво, видите ли, почему-то горькое...

После второй банки пива Данил похлопал Валентина по узкой спине и сказал с одобрением:

– Ты же интеллигент вроде, вон у тебя вся морда такая бледная и утомленная даже без солнца. Зяма и то не такой, хоть очки носит. С чего это ты согласился взять камень и вот так бросить? Чтоб все вдрызг?

Валентин кивнул, ответил вежливо, но с нарастающим азартом:

– Да-да, чувствуется, что вы читали Достоевского! Особенно те места полемики с Чернышевским, когда тот воспевал светлый хрустальный дворец, в котором будут жить лю-

ди, чистый и стерильный, а Достоевский тогда возразил, что предпочитает жить в грязном темном подвале, а оттуда швырять по ночам булыжники в его хрустальный дворец... чтоб со сладким звоном сыпались стекла!

Данил сперва обалдел, что его зачислили в читатели какого-то Достоевского, потом приободрился: мысли умных людей совпадают, а этот Достоевский, видать, тоже умный мужик, раз по ночам швырял камни в дворец какого-то Чернышевского, нового русского, видать.

Он открыл следующую баночку пива для Валентина, а то вдруг тот по интеллигентности сам не сумеет.

– Хлебни, а то горло пересохло, вижу.

Грамотный Зяма спросил вежливо:

– Валентин, вы в самом деле аспирант?

– Он самый, – согласился Валентин. – Мне давали на выбор несколько тем, но все такие неинтересные! Я придумал и предложил «Хулиганство, как самовыражение подавленной личности в эпоху глобализации и технологического прогресса, а также корни хулиганства, его настоящее и будущее».

Все умолкли, осмысливая, я поинтересовался:

– Что под корнями имеете в виду?

Валентин сказал просительно:

– Давайте на «ты», а то как-то...

– Заметано, – сказал я. – Ну?

– Если взять имена, – пояснил он, – которые попали в

историю, то получается странная картина... Васька Буслаев, к примеру, это такой богатырь, что только дрался и буянил. Подвигам по защите Отечества за ним никаких, но все равно любимец народа!.. Возьмите Мцыри или Байрона с его воспеванием Каина, Люцифера и прочих дьяволов? А образ Сатаны в литературе, поэзии, музыке?.. Ведь Байрон, когда воспевал Каина, делал по сути то же самое, что и вы делаете: срал в лифте, расписывал стены и разбивал лампочки!

Все притихли, имена незнакомые, но в помещении словно бы прошелестели огромные крылья темного ангела, освящая нашу деятельность. Зяма посмотрел на часы, скривился, все равно уже поспать не удастся, скоро рассвет, попросил почтительно:

– Расскажи нам про... корни. Не знаю, как кому, а мне надежнее, когда не мы первые. Мне нравится, что мы, оказывается, опираемся на прочную и долгую традицию.

– Еще бы, – сказал Данил саркастически, – на хрен твой прадедушка яблоки рвал, когда ему сам Бог велел не трогать? Вот и пошла традиция рвать чужие яблоки и ломать павильоны на остановках общественного транспорта!..

Грекор сказал задумчиво:

– Думаю, Зямин дед не только яблоки рвал... И ветки поломал, и насрал везде так, что Бог вляпался, потому разозлился и выгнал из сада вообще... Я слышал, Бог долго терпит...

– ...но больно бьет, – сказал Зяма. – Валентин?

– Дело в том, – сказал Валентин, – что...

Я видел, что Данил почти сразу перестал понимать длинные объяснения будущего доктора наук, по роже видно, но молчит и сосредоточенно дует пиво, Грекор и Зяма напряглись, словно вратари перед штрафными ударами. Только я и Люська ловим каждое слово, хотя ей нужна всего лишь уверенность, что она не совсем с фриками, а я все прикидываю, как усилить свою группу этим чудаковатым аспирантом с высокими запросами.

Бегущих от власти, сообщил он, укрывали всегда, везде и в любом обществе. Вне зависимости, кто они и что натворили. Это как инстинкт: власть преследует, значит – надо помочь, спрятать, дать на дорогу хлеба. Вспомните, говорил он тихим интеллигентным голосом, даже фильмы на старую тематику: вон бежит древнеегиптянин, за ним стражники. Беглец мчится по базару, все бросают стражникам под ноги яблоки, бананы, нарочито опрокидывают перед ними корзины, разворачивают телеги, загораживая дорогу... То же самое, когда смотрим фильмы о Древнем Риме, Греции, Европе, России, и вообще везде стражники по определению – злобные и тупые идиоты с перекошенными мордами, а беглец всегда умный и ловкий, ах какой красивый и полон обаяния...

Это не выверты режиссеров, они следуют народной традиции, что закрепились во всем народном творчестве, начиная от первых сохранившихся древнеегипетских песен и за-

канчивая нашими днями. Иначе не были бы так популярны имена Робин Гуда, Стеньки Разина и Пугачева. Пугачев, к примеру, куда популярнее Суворова даже в историографии. В блестящей карьере Суворова было только одно пятно, по мнению наших историков: его послали умирять бунт Пугачева, но, тут же торопливо добавляют историки, Суворов не подавлял Пугачева, того подавили раньше, а он только, как они пишут стыдливо, «удовольствовался некоторыми административными мерами», то есть, говоря проще, установил виселицами весь свой путь, а где виселиц не хватало, бунтовщиков развешивал на деревьях.

Трех мушкетеров тоже нужно записать в наши ряды, как славных прародителей. Всю их деятельность следует воспринимать как тот же стихийный бунт против культуры и прогресса. Кардинал Ришелье учредил Академию наук, строил везде школы и университеты, насаждал грамотность, поддерживал науки и искусство, уничтожил остатки феодализма, запретил дуэли, но безбашенные Атос, Портос, Арамис и примкнувший к ним Д'Артаньян противились этому всему со всей силой молодой страсти, и вот так много сделавший для Франции и всей Европы кардинал весь в коричневом, а трое балбесов – в белом!

Зяма слушал со все разгорающимися глазами, сказал быстро:

– Прости, что перебиваю, но Маяковский с его четырьмя «Долой!» – тоже наш, так?

– Так, – сказал одобрительно Валентин. – Его «Долой вашу культуру!», «Долой ваше искусство»... и еще какие-то два «долой» – те же камни ваши в стекла режима. Но когда закончился период ломки и начался период стройки, Маяковский покончил с собой. Таков же и Че Гевара: ломать – не строить, он был мастером ломать, жечь, крушить, как здания, так и политические системы, но когда сокрушил и самую президентскую власть на Кубе, то признал себя неспособным что-то строить на ее месте, ушел дальше ломать, вот только на материке его самого обломали... Албанский язык падонкофф – тоже протест против «правильности», против отвратительной грамотности, что не больше как закостеневшие формы, которые нужно ломать, ломать, ломать! Где нет ломки, там не прорастет новое.

Грекор очнулся, услышав знакомые слова, послал всем по столу баночки с пивом. Рожа уже покраснелась, налилась, он проревел довольно:

– Ломать, ломать, ломать!..

– Где нет ломки, – повторил культурный Зяма, – там не прорастет новое, точно сказано!

Валентин спросил вдруг:

– Кстати, как вы сами именуете себя?

Воцарилось молчание, мы себя никак не именуем, кроме как борцами за свободу и самовыражение, мы ломальщики системы, а я ответил за всех:

– Наша цель – как следует подосрать ненавистой системе

угнетения! Мы, по сути, благородные сруны, это наш способ выразить протест бесчеловечному строю!

Валентин спросил несколько ошарашенно:

– Сруны?

– Да, – ответил я. – Разве это не здорово – подосрать противнику? Разве ваш Достоевский, что швырял из грязного подвала камни в чистый хрустальный дворец Чернышевского, не срун?..

Он проговорил замедленно:

– Вообще-то... если в этом смысле... то да... Хотя, если вспомнить Гаргантюа и Пантагрюэля... то они сруны в самом буквальном смысле, что засрали свой город так, что их говно переполняло улицы и вваливалось в дома через окна. И тем стали знаменитыми на весь мир и вошли в классику!

Данил спросил ошалело:

– Гаргантюа... Это кто?

Зяма сказал брезгливо:

– Погугли, придурок! Комп включить или сам как-то сумеешь?

А Валентин сказал вежливо:

– Данил... вас Данилом зовут? Красивое имя. Данил, самая знаменитая книга, дошедшая до нас из Средневековья и все еще издающаяся огромными тиражами, – это «Гаргантюа и Пантагрюэль». Гаргантюа и Пантагрюэль – это два великана, оба только и делают, что срут и ссут. Правда-правда! Целые три главы о том, как и чем Гаргантюа в детстве под-

тирал жопу, почитайте на досуге! Получите огромное удовольствие. Эта книга стала суперклассикой, мировым шедевром первой величины!

Данил поднялся и пересел к столу, там Зяма развернул к нему монитор, а Данил сказал через плечо:

– Провер-р-рю!

– Класс! – восхитился Грекор. – Надо почитать. Картинки там есть?

– Есть, – заверил Валентин, только средневековые... Без спецэффектов. Не цепляют.

– Тогда кинуху надо снять, – сказал Грекор мечтательно. – В три дэ! Чтоб струя прямо в зал! Крупным планом. Чтоб как из шланга... га-га-га...

Валентин кивнул и обернулся к нам.

– И все потому, – сказал он, – что нормальному человеку, как вот я, а они всегда отыскиваются во все эпохи, осто... гм... осточертела пропаганда правильного образа жизни, проповедуемая церковью. И вот Рабле, который срал в подъездах, расписывал говном стены и разбивал зеркала в лифтах, написал этот роман, где все срут и ссут так, что говном, как я уже сказал, заваливают дома, а их ссанье вызывает наводнения, в которых тонут люди, сперва нахлебавшись дерьма так, что раздувало животы.

– Отлично, – сказал я. – Мы стоим на прочном фундаменте.

Данил прорычал, не оглядываясь:

– Да здравствуют сруны! Слава срунству!

Валентин сказал вежливо:

– Да-да, вы правы, слава и да здравствует... так как в этом могучий и еще нераскрытый потенциал. Сруны, срунство.... соил, споил, боч, рипульсы, насты... да, насты – самое... гм... подходящее...

Я промолчал, Данил спросил сердито:

– Что за хрень?

– Сруны, – объяснил Валентин, – если перевести на благородную латынь или английский, теперь все на нем, будет звучать как «насты»... Да, насты! А это вот стихийное стремление все официальное и навязываемое нам сверху обосрать, втоптать в грязь и вообще отвергнуть... правильнее называть настизмом. И будет это международным термином, что войдет во все словари!

Данил скривился:

– Проще срунством. Вон даже у Люськи любимая поговорка: вот такое я говно!

Валентин продолжал с заблестевшими глазами:

– Срунство, или, если терминологично, настизм, – самое яркое и честное проявление демократии! Можно с уверенностью утверждать, что истинная демократичность проявляется только в настизме... что пошло, можно сказать, с того момента, как было сорвано первое яблоко в саду Эдема! Насты – самые правильные демократы, самые чистые и незашоренные, без всяких комплексов и наносного мусора. Демо-

краты старшего поколения, сказав «а», стесняются сказать «б», мямлят и топчутся на месте, изощряются в риторике, затемняя и заслоняя истинную сущность демократии, то есть нашего настизма.

Зяма сказал подчеркнуто гордо:

– А мы, молодые демократы, говорим это долгожданное «б», так? Говорим громко и открыто! Что скажешь, бугор?

Я сдвинул плечами, Валентин не сказал ничего нового, зато дал определение, выгранил некоторые фразы и заострил на некоторых моментах внимание.

– Девиз настоящего сруна, – сказал я веско, – принимайте меня таким, какой я есть! Или, как предпочитает говорить наш предельно корректный аспирант, девиз наста. Потому что человек всегда врет, нагло, много и постоянно. Это именуется культурой, хорошими манерами и прочей лабудой, что тщательно скрывает истинного человека под лживыми масками.

– Точно, – сказал Данил веско, как припечатал.

– Но мы, – продолжил я, – сруны, отбрасываем эту буржуазно-пролетарскую лживую культуру! Мы – новое поколение, чистое и честное, мы не желаем носить на себе клоунские тряпки «культуры», тем более – той, древней. Мы сами создадим свою культуру: искреннюю и честную. А пока, ребята, давайте по домам. Надо хоть немного поспать, а завтра созвонимся насчет... насчет будущего мира, который будет!

Глава 6

Моя работа фрилансера позволяет заниматься веб-дизайном в то время, когда сам изволю, а занятость в этой области пока что велика, так как многие фирмы основаны старичьем при деньгах, что ни уха ни рыла вообще в Интернете, пусть даже слышали насчет рекламы и рынка услуг через сеть.

Им тоже выгодно, мне платят только за выполненную работу, а не за протирание штанов в офисе, так что я зарабатываю пока что терпимо, хотя и не рву жилы. Моя мать вообще не представляет себе мою работу, а я не спешу ей объяснять, что это за.

Сейчас вот едва кликнул по браузеру, сразу же на весь экран развернулись самые важные новости: Аня Межелайтис «случайно» оголила грудь на светском рауте, у нее же часом спустя так же случайно соскользнули трусики прямо на пол в центре зала с гостями, видимо, кожа такая нежная и шелковистая, и последняя новость – знаменитый метатель тортов Ноэль Годэн запустил им точно в морду, хотя в новостях почему-то написали «в лицо», премьер-министру Камерону.

Это рекордный, семьдесят пятый бросок Годэна, до этого он метко попадал в Билла Гейтса, Буша, Клинтона, многих знаменитых политиков, писателей, финансистов, банкиров и прочих звезд.

В Буша, правда, еще раньше швыряли ботинком, это арабский обычай выказывать пренебрежение, и метнул его как раз араб Мунтазир аз-Зейди, хотя точно такой же ботинок полетел в китайского премьера Вэнь Цзибао в самом Кембридже от чинных англичан.

На Украине и вообще в Восточной Европе предпочитают швыряться яйцами, обязательно сырыми, чтобы не нанести жертве увечья. Янукович при виде летящего в него яйца решил, что бросили гранату, и потерял сознание, Зюганов в поездках по стране и Стив Балмер в Будапеште вели себя достойнее, красиво среагировали в подобных ситуациях Герхард Шредер и Арнольд Шварценеггер, не очень изящно – Касьянов, Михалков...

Россия – широкая душа, здесь забрасывают видных людей яйцами, помидорами, майонезом, ряженкой, сметаной, мороженым, и только Раймонду Паулсу вlepили тортом, уважая его западный статус.

Но еще нигде в мире не забрасывают дерьмом, но именно это был бы настоящий и знаковый вызов, дескать, дерьмовым политикам – дерьмо! Или: дерьмовым режиссерам – дерьмо!

Видимо, это придется сделать нам, мы же радикалы, в самом этом слове звучит нечто нашенское, и сразу вспоминается: «Дорогая, вы сможете полюбить радикала?» – «Простите... ради чего-чего?»

На моем мобильнике высветилась аватара Зямы, я умень-

шил звук, чтобы не услышала мать, сказал тихонько:

– На связи... Ты как?

– Влетело, – ответил он шепотом. – Это у вас, геев.... тьфу, гоев, свобода, а у нас тут передвижной Израиль со своим Освенцимом. Родители вроде бы демократы, а ведут себя как хасиды... А это похуже фашистов! Только и хорошо, что наши.

– Барак Спиноза вырвался на свободу, – утешил я, – вырвешься и ты. Вон Цукенберг вообще женился на китайке, в Израиле траур, у вас же дети евреи только по матери?

Он сказал еще тише:

– Я весь день под домашним арестом.

– А вечером?

– Если буду себя хорошо вести, – сообщил он, – ну, как это они понимают сами, то выпустят ненадолго.

– Ну тогда играй на своей скрипочке, – посоветовал я. – Или у тебя эта... большая такая, на которой Растропович растроповничал?

Он огрызнулся тихонько:

– Я будущее светило тонкой химии!

– Хорошо учись, – сказал я строго. – ЛСД и крэк нам будешь делать на кухне. Чистый!

– Других уже обзвонил?

– Пусть придут в себя, – сказал я. – За день все успеем. А ты иди учи свою Тору!

К вечеру позвонили Данил и Грекор, Валентину и Люсь-

ке я звякнул сам, Люська откликнулась с охотой, ее мамаша только рада, когда дочка уходит из квартиры надолго. Валентин вежливо попросил полчаса, чтобы закончить дела, а когда я начал прикидывать планы на будущие акции, позвонил Юрик и напросился к нам тоже.

Качалка – прекрасное место, благо есть у Данила ключи, он изнуряет себя на тренажерах во второй половине дня, с утра пытаются набирать мышцы только неграмотные дураки, а когда ушли последние качки, самые упорные или просто упертые, позвонил и сказал, что пока примет душ, а мы тем временем можем подтягиваться.

– На перекладине? – спросил я.

Из мобильного фыркнуло:

– Вы и висеть, как мокрые тряпки на веревке, не сможете, жопы тяжелые.

Едва я вышел из лифта, сразу попал в галдящую толпу. В центре отгавкивается лифтер, бабы окружили, как стая ворон, и требуют, чтобы в обоих лифтах заменил вот прямо сейчас и немедленно все лампочки.

– Какие лампочки, – услышал я его тоскливый голос, – там же и плафонов нет! Даже провода повыдирали!.. Я вообще-то как минимум раза два в неделю меняю запчасти в ваших сраных лифтах!..

– Плохо меняете!

– А как хорошо? – спросил он злобно. – Что за скоты тут

живут, не понимаю!.. Почему каждый день какая-то сволочь ссыт или срет в лифте?.. Поставьте хотя бы видеокамеры...

Кто-то заорал:

– Че? Ты тоже сатрап? Это нарушение наших прав!

– Это подсматривание!

– Это рука власти!

– Кремлевский холуй!

Он сказал рассерженно:

– Так вы же сами в той моче шлепаете подошвами! А шо такое моча, вы хоть знаете, уриноглотатели? Она проедает любое железо! И если не успею вовремя заменить испорченные детали, вы же рухнете в шахту лифта... Хорошо бы именно тот гад разбился, но, скорее всего, погибнет другой...

– Тоже гад, – подсказал кто-то из собравшихся ехидно.

– Тоже гад, – огрызнулся измученный электрик. – А кто из вас не гад? Почему не остановите? Вы же все друг друга знаете как облупленные! Чего молчите?

Один из присутствующих мужчин проворчал:

– Это твоя работа – менять детали. Тебе за это платят.

Лифтер выкрикнул:

– А если не успею?

– Посадят, – сказал мужчина со злорадством. – Мало вас сажают!

Лифтер помотал головой:

– А вот и нет. Я подробно написал, что и как. Эти бу-

маги разослал всюду. Так что когда оборветесь и разобьетесь, я потребую поднять мои предупреждения. Так что разбивайтесь все на фиг, мне по фигу! Пусть хоть весь дом рухнет, я на окладе. Лишь бы меня не обвинили, а в этом я уже предохранился, а вы все сволочи!

Снаружи у подъезда группа подростков, не обращая внимания на возмущение престарелой супружеской пары, с гогом мочится на стену, стараясь поднять струю как можно выше. Девчонка лет тринадцати азартно ставит черточки, стараясь не попасть под струи.

В африканских племенах, мелькнула мысль, высота струи считается признаком мужской силы. Самого высокоссущего могли выбрать в вожди племени, а то и в вождя вождей. Вообще страсть поссать везде осталась еще от тех древних времен, когда человек был на уровне простого кобеля, метящего территорию. Собаки и сейчас стараются зассать ссянки других собак. Причем не только кобели...

Я свернул к дому Данила, он там проветривает качалку, за спиной раздался веселый вопль:

– Толька, подожди!

От троллейбусной остановки мчится Гаврик, мы с ним по сети рубились в старкрайф, потом вместе ганкерили нубов в начальных локациях, а однажды создали клан разбойников в Айоне и лихо грабили фермеров.

Его фамилия Кокошин, он попросил в ЗАГСе заменить на Какашина, чтобы шокировать народ, тоже наш, хоть и с заки-

донами. Больше всего помешан на выискивании моментов, вокруг которых можно плясать с бубном и ликующе орать: «Вот в какой сраной стране живем!», и неважно, берется сравнивать стоимость добываемой нефти в арабских странах и в Сибири или стоимость бананов в Москве и в Африке, он сам над этим не задумывается и другим не дает, а если кто-то укажет на некорректное сравнение, сразу орет победно: а-а, ты патриот? И становится стыдно, словно ты нечто вроде гея.

По его утверждениям, в нашей стране все только плохо и очень плохо, а в западном мире – только очень хорошо и просто замечательно! И в поддержку такой идеи он сутками напролет шарит по инету и постоянно находит что сравнивать, совершенно не заботясь о корректности, важнее броскость, потому при сравнении стоимости велосипеда в Нью-Йорке и КамАЗа в Москве всегда можно с уверенностью и громогласно заявить, что у них там все дешевле!

И хотя мы сами такие, любим поговорить, в каком говне живем и что зажавшаяся власть ни хрена не делает для страны и народа, но Гаврик вообще зашкаливает, то ли настолько туп, то ли заполнен от жопы и до ушей эмоциями, таким нацеленным уже не до проблесков мысли.

– Толян, а что я надыбал! – заорал он. – Хошь, покажу?

Я помотал головой:

– Нет, спешу.

– К Данилу? Пойдем вместе. Я все собирался покачаться...

– Там все ушли, – сообщил я. – Уж поздно.

– Так это здорово, – сказал он. – Мне бы так, чтоб никто не упал в обморок, когда скину рубашку.

– Не поможет, – сказал я с сочувствием. – Там кроме Данила будет и Люська.

– Эх, – сказал он, – ладно, не стану ее пугать своими бицепсами. У меня знаешь уже сколько? Двадцать два!

– Перебор, – сказал я. – Мог бы остановиться на двадцати одном. Очко так очко.

Он наконец врубился, обиделся.

– Ладно... У тебя где-то тридцать пять?

– Тридцать семь, – сказал я скромно.

– Ну вот...

Качалка закрыта на толстую железную дверь, ибо это официально не качалка, а бомбоубежище, но жильцы приняли решение, что лучше пусть молодежь их дома устает до чертиков, стараясь отжать от груди заветную сотку, иначе девчонки и не посмотрят, чем будут носиться на мотоциклах по улицам и попадать под грузовики.

Я стукнул в дверь, Данил открыл, кивнул Гаврику, тот с завистью окинул его восхищенным взглядом.

– Анимал, настоящий анимал!.. На тебе все само растет!

– Ага, – согласился Данил мрачно, – само. Как же, само, ну да.

Мы спустились по ступенькам в царство железа, наклонных скамей и станков Смита. Данил указал на металличе-

ский стеллаж, где среди разнокалиберных гантелей яркими наклейками цветут две упаковки пива.

– Жаждающие, можете приступать... Зяма прислал эсэмэску, а Валентин придет через десять минут.

– Он аккуратный, – сказал я, – будет минута в минуту.

– Ты его знал раньше? – спросил Данил.

– Нет, но человека видно сразу...

– Это тебе видно, – буркнул Данил, – а я вот, сколько ни присматриваюсь, все равно наегибают, как британцы какого-то Махатму.

Гаврик, рисуясь, лихо выбирал из пластмассовой упаковки банки с пивом, Данил поднялся наверх и вернулся с Зямой и Грекором.

– Привет, – сказал Зяма, – приятно смотреть на вас! Как только подумаю, что каждый из нас – самый быстрый сперматозоид из трехсот миллионов, сразу такое уважение... Мы – лучшие!... Мы уже победители!

Данил присмотрелся к Зяме, поинтересовался:

– Мне чудится, или у тебя другие очки?

Зяма насупился, буркнул:

– Запасные нужно иметь всегда.

– Это все Марина! – сказал Грекор уверенно. – Зяма поцеловал ее в губы, она от удовольствия сжала ноги и сломала ему очки.

Данил сказал уважительно:

– Она у нас качалась!... Правда, классные бедра?

Зяма буркнул:

– Не так все было... Но официально и для народа пусть так, согласен.

– Марина тоже не возразит, – сказал Грекор. – Пиар никому еще не вредил. Вон Люська как Валентина выручила?

Приоткрылась дверь, Валентин заглянул осторожно, Данил махнул ему рукой, Валентин начал медленно и опасно спускаться.

Последней примчалась запыхавшаяся Люська, подтверждая статус женщины, а то мало ли что мы подумаем.

Данил, как хозяин, заботливо проследил, чтобы пиво было у всех, даже кто не хочет, как вон Люська, просто держи в лапке, как на светских раутах дамы с тонкостенными фужерами с шампанским по тыще баксов за бутылку.

Я с банкой пива вышел на свободный пятачок между скамьей Смита и беговой дорожкой, обвел всех взглядом. Они притихли, повернулись ко мне.

– Вчера мы провели еще одну акцию. Система получила удар... Крохотный, конечно, комариный, но когда комаров становится много, даже слон озверевает. К нам прямо в разгар акции присоединился Валентин... Люська, кончай строить ему глазки.

Валентин поднялся и поклонился, хотя его не знает только Гаврик.

– Если мне будет позволено сказать, – произнес он застенчиво, – я бы хотел процитировать слова величайшего фило-

софа, отца церкви... Аврелия Августина, признанного церковью святым.

Все молчали ошарашенно, Валентин совсем не вписывается обликом и сдержанными манерами в нашу компашку, а уж когда заговорил про какого-то святого, да еще отца церкви...

— Его слова вообще-то можно поместить в рамочку, — продолжал Валентин, — и повесить на самом видном месте...

Данил буркнул враждебно:

— Да что он сказал такого?

— Он сказал, — ответил Валентин торжественно и почтительно, — слушайте и запоминайте: «Мне и распутничать нравилось не только из любви к распутству, но и из тщеславия. Не порок ли заслуживает порицания? А я, боясь порицания, становился порочнее, и если не было проступка, в котором мог бы я сравняться с другими негодяями, то я сочинял, что мною сделано то, чего я в действительности не делал, лишь бы меня не презирали за мою невинность». Да-да, эти слова принадлежат великому Аврелию Августину. Святому!

Глава 7

В ошарашенной и затянувшейся тишине из ладони Грекора выпала банка пива и со звоном покатилась по бетонному полу. Он с руганью бросился ее ловить, остальные задвигались, заговорили, заулыбались, хотя морды куда уж обалделее.

– Сделаем, – пообещал я.

– Я распечатаю, – пообещал Валентин. – У нас цветной принтер. Так что, я бы сказал, срать в лифтах и на лестнице – это лишь самая заметная часть вашей деятельности!

Гректору показалось, что это критика нашей деятельности, нахмурился и сказал ворчливо:

– Ломать павильоны, вспарывать сиденья в электричке – тоже еще как заметно!

– Я о другом...

– Ну?

– А если, – сказал Валентин, – взять высокие технологии?.. Баймы дают простор для паровозения или ганкерства, для подстав, инет и мобильники – для спама, а все вместе – для такого срача и троллизма, обалдеть можно! Никогда не было таких возможностей...

– Ну, – сказал Грекор, уже соглашаясь.

– Человек взрослый и солидный, – объяснил Валентин, – тоже хочет срать, то есть настить, но ему уже по рангу это не

совсем то, однако придуманы замены сранья под дверьми...

– Какие?

– Джакузи с девочками, – пояснил Валентин, – подпольные азартные игры, собачьи бои, оппозиционные партии... Сейчас в ответ на растущее давление системы растет инстинктивное сопротивление всего человеческого, что не позволяет превращать нас в послушные винтики системы.

– Классно задвинул, – сказал Данил с одобрением.

– Оттуда корни и того протеста, – пояснил Валентин, – которое старшее поколение высокомерно называет тотальным оплевыванием всего-всего ценного и хорошего... К примеру, попробуйте просто кого-то назвать правильным человеком! Все на того человека станут смотреть с насмешкой и пренебрежением. Правильность стала... как бы это сказать...

– Пороком? – подсказал я.

Валентин отмахнулся.

– Нет, порок как раз встал на место правильности. В том значении, что пороки теперь не скрывают, а выставляют на показ. А правильности избегают и стыдятся. Правильный человек – это как бы ретроград, мракобес и вообще дурак.

– Ограниченный, – поправил педантичный Зяма.

– Ограниченный, – согласился Валентин. – А вот мы, не скованные никакими предрассудками, можем блистать возможностями, недоступными этому ограниченному правильному. К примеру, правильный просто не сможет насрать под дверь у соседа. У него даже анус не разожмется! А вот мы,

продвинутые, сможем.

Грекор гыгыкнул:

– А раз сможем – сделаем! Люська, сделаешь?

Люська ответила весело:

– С удовольствием! Вот такое я говно.

«Вот такое я говно», повторил я про себя. Сейчас все так говорят и ничуть не стыдятся. Нет, даже гордятся, что говно.

Просто мы первые, кто это не просто ощутил, все общество это ощутило, но мы и выражаем активный протест этой угнетающей нас системе.

– Ладно, – сказал я веско, – а знаете ли, что в инете лаптями звонят, как через две недели разразится не то митинг протеста, не то демонстрация... Кто слышал?

– Срунов? – спросила Люська с восторгом.

– Срунов, – согласился я. – Только они себя называют иначе.

Дверь приоткрылась, появилась взлохмаченная голова Марины. Она окинула всех быстрым взглядом.

– О, у вас снова тусовка?

– Без тебя какая тусовка, – ответил Данил. – Заходи!

– Я с гитарой, – предупредила Марина. – У кого нет слуха, тому уши оборву.

– Здесь все музыканты, – ответил я. – Крыловские.

Они с Люськой сразу уединились в уголке и начали разучивать песню собственного сочинения, Марина играет неплохо, а Люська только поет, но у нее такой звонкий чи-

стый голос, что слушаешь с удовольствием, какую бы лабуду ни верещала.

Данил крикнул им:

– Нам нужно собственный гимн сочинить!

– Обойдешься, – ответила Марина лениво. – Мы только антигимны можем. С эротическим уклоном.

– Наклоном, – уточнил Грекор.

– Да хоть и с разворотом, – ответила Марина.

Данил спросил заинтересованно:

– А это как?

– Не знаешь? – переспросила Марина загадочно. – Могу показать...

– Только не щас, – сказал Данил. – Не люблю зрителей, советами затрахают раньше... Толик, я тоже видел в инете призыв выйти на митинг на Болотной. По всем каналам в лапти звонят! Ты хочешь позвать наших пойти поквакать? Вообще-то, бугор... а че нам в самом деле не пойти на митинг?

Грекор сказал пренебрежительно:

– А мы там не бывали?

– Бывали, – ответил Данил, – но как зрители. И еще мы с парнями искали кого бы отмудохать. Но вот если выйти как сруны... или как насты...

Я покачал головой:

– Митинг завтра, а туда без своих лозунгов нечего и соваться, никто не увидит, что мы – отдельная сила.

– А что за тема? – спросил Зяма лениво.

– Да какая разница, – ответил Данил, – потусуемся, потремся, идейных людей посмотрим. Даже в зоопарк идти не надо. Вроде бы насчет нечестных выборов. Посмотрим, как люди хренью страдают.

– Может, – сказал Грекор с надеждой, – кому-то в рожу удастся вмазать вроде за дело! А че, я бы сходил.

Валентин сказал авторитетно:

– Тогда нам нужно заявить о себе как о новой силе, что проявилась в этом загнившем обществе.

– А что, – спросил Зяма с насмешкой, – выборы в самом деле нечестные?

– Конечно, – ответил Валентин с твердой убежденностью. – Они всегда нечестные! Кто бы их ни проводил. Даже если эти вон, что на митинге, победят, у них что, лучше будет?.. Видели мы, как демократы, дорвавшиеся до власти, хапали так, что коммунистам и не снилось... Но подготовиться нужно. Придумать и написать плакаты... Подумать, будем нести как транспаранты, на растопыренных руках, или соорудим что-то несомое...

Люська, от усердия высунув язык, тщательно выписывает кисточкой крупные буквы, рядом пристроился Грекор, якобы помогает, хотя чаще просто косит глазом в оттопыренный вырез ее майки. Хотя Люська запросто даст и пощупать, но почему-то интереснее вот так тайком подзывать на ее ту-

гие яблоки с бледно-розовыми земляничками на кончиках. Если уж святому Августину больше нравилось яблоки воровать, если верить рассказам Валентина, чем получать в подарок, то мы совсем не Августины...

Сам Валентин, как вижу, настолько освоился в нашей компашке, что совсем не выглядит чужаком, хотя и одет не как у людей, и говорит как марсианин, слишком книжно.

Он осмотрел плакат, намалеванный Зямой, поморщился.

– Это высшее образование мешает тебе писать лозунги?

– У меня еще нет высшего, – возразил Зяма.

Валентин изумился:

– Почему? Ты что, не еврей?

– Еще нет, – уточнил Зяма. – В следующем году получу этот сраный диплом.

– А-а, – сказал Валентин, – ну, если ты пока еще демократ, то и пиши, как народ, – искренне, просто и скверно!.. Тебя поймут и свои, и чужие.

– Или как вон Данил, – сказала за их спинами Люська.

Валентин оглянулся, Данил заканчивает старательно выводить на своем плакате: «Мы – IDDQD!», а потом еще и для Зямы написал крупно: «У нас все – IDKFA!»...

– Да, – сказал Валентин с уважением, – это в самом деле... доходчиво. И всем понятно. Честно говоря, даже не ждал от Данила такого креативного удара.

Данил кивнул в мою сторону:

– Бугор подсказал.

Валентин развел руками:

– Что ж, на то он и бугор. Все замечать и все поправлять вовремя.

– А кто наши лозунги не поймет, – довольно сказал Данил, – пусть идет в жопу. Нам с такими не по пути.

– Эти тоже твои? – спросил Валентин.

В углу уже стоят приготовленные плакаты с надписями: «Долой все!», «Ломай систему!», «Осточертели!», «Наши идеи – «IDDQD!», «Будущее принадлежит нам!», «Насты – сила!».

– Мое, – ответил Данил гордо. – Думаю, больше не надо. Нас и так наберется разве что десяток, да и то не уверен.

Он зыркнул на меня.

– Больше, – ответил я.

– Где наберешь?

– Мы выйдем с этими плакатами из качалки, – сказал я, – и сразу к нам начнут присоединяться пацаны. Вот увидишь!.. А ты, кстати, можешь позвать своих качков.

– Анатолий прав, – сказал Валентин. – Ваша группка будет расти стремительно. В технологическом и прозрачном обществе нацизм будет шириться, люди остро жаждут свободы...

– Срунство, – сказал Зяма важно, – мотор прогресса!

– И культуры, – добавил Валентин.

– И культуры, – повторил Зяма бездумно, потом спросил обеспокоенно: – Точно? А то прогресс – одно, а культура

вроде бы совсем другое... даже противоположное.

Валентин отмахнулся:

– Да неважно, кто вникает в эти тонкости? В блиповую эпоху главное – уверенный тон и громкий голос.

– Ну ладно, – проговорил Зяма все еще с сомнением, – срунство – мотор прогресса и культуры! Я читал в новостях, юсовский президент в пику всем собирает на своей тайной вилле красоток из «Мисс Вселенная», отключает все видеокамеры и трахает их прямо в джакузи...

– Тоже срун, – сказал Данил довольно, – даже его достала эта система!

– Фейк, – сказал Зяма.

– Может, – согласился Валентин, – но вероятность есть. Даже президентам хочется нарушать правила, хотя бы тайком! Как тот же Клинтон, что совал пенис в рот практикантке, упиваясь своим тайным срунством?

– Они все такие, – сказал Данил. – Только другие не попадают. А что наши творят... представить страшно.

– Хоть и приятно, – вставил издали Грекор.

Он оглянулся на Люську, что с высунутым языком стоит на четвереньках, раздвинув ноги, и разрисовывает цветочками расстеленный на полу плакат.

Она ощутила на себе взгляды, вскинула голову, веселые глаза сверкнули детским гневом.

– И ничего себе не представляйте!... Я, можно сказать, девственница!

Валентин пробормотал:

– Самое интересное, гм, в высоком смысле слова она в самом деле девственна и невинна.

Гаврик, что по большей части вообще не раскрывал рот, а только делал вид, что молодецки поглощает в огромных количествах пиво, и все еще не пьяный, сказал несмело:

– Но как же без... этих, ну, предложений? Если долой, то надо ж что-то взамен?

Валентин насторожился, но промолчал и посмотрел на меня, явно переадресовав право ответа.

Я ответил твердо:

– Гаврик, не гаврикуй. Ты не прав.

– Почему? – пискнул он.

– Потому, – отрезал я, – что пошел ты со своим позитивом в сраную жопу!.. Мы сруны или не сруны?.. Это и есть наш позитив!.. Освобождение души!.. Мы, можно сказать, срем из своих богатых душ и срем от души!

– Из принципа, – уточнил Данил. – Из своих богатых принципов!

– Ну, – проямлил Гаврик жалко, – но все-таки...

– Нет, – заявил я. – Нет!.. Вас что, еще не достала вся эта ложь? Меня достала. Все жаждут ломать, а не позитивничать!.. И никто не скажет, что мы неправы!

– Но как, – сказал он совсем потерянно, – без позитивной программы...

Я гаркнул:

– Дурак, мы что, идем на выборы? Предлагаем себя в правительство?.. Долой – вот наш позитив!.. И нас поддержат. Так что либо бери плакат, с каким пойдешь, и не умничай, либо топай к таким же умникам.

Гаврик вздохнул, просмотрел плакаты и выбрал самый маленький с простым и таким греющим душу лозунгом «Долой!»

Разошлись, как и водится, за полночь. Матери сказал, что много работы, она довольна, да и как иначе, если деньги приношу регулярно, старшее поколение не может врубиться, как это доход могут приносить простые клики на форумах и «лайки» в соцсетях.

Да, когда-то рубли капать будут реже, тогда придумаем что-то еще, а пока три тысячи долларов в месяц вполне для двадцатилетнего, который и школу окончил с трудом.

Глава 8

За неделю до ожидаемого митинга во всех СМИ только и говорили, что вот после него жизнь сразу повернет к лучшему, ага, щас повернет да еще и лягнет обоими копытами.

Везде с энтузиазмом расписывают, как будет противиться проклятая власть, как начнет перегораживать дороги, пустят в ход полицию, ОМОН и чуть ли не танки, и я видел, что даже самые толстые и солидные люди ухватились за возможность оторваться от серых будней в этом веселом и полупраздничном мероприятии.

Утром в день митинга мы собрались возле качалки, весеннее солнце жжет, но воздух еще холодный.

Данил появился в рубашке с короткими рукавами, для него важно, чтобы бицепсы на виду, Зяма в костюмчике, Люська в теплой курточке, но ее юбку можно принять за стринги, остальные кто в чем, ориентируясь на свои представления, какой будет погода, синоптикам верят не больше, чем правительству.

Пока мы обменивались рукопожатием, а Люську хлопали по жопе, Данил спустился в качалку и вынес нам две охапки плакатов. Вскоре оттуда поднялись с десятков крепких мускулистых ребят, трое выглядят вообще шварценеггерами.

Грекор с восторгом зашептал за моей спиной, что они фаналисты районного смотра бодибильдеров.

Данил сказал солидно:

– Анатолий, принимай в свой отряд! По крайней мере сегодня мы одна команда.

– Отлично, – ответил я. – Ребята, вэлкам!.. Разбирайте плакаты, мы покажем этому гребаному старому миру, что уже появился и набирает силу наш молодой и яростный!

Последней, запоздав, явилась Марина, сразу заулыбалась, мгновенно помолодев, даже сиськи стали больше при виде молодых качков, те тут же приняли ее к себе, такую цветущую и зовущую всем телом.

Данил представил парней, я обычно плохо с ходу схватываю имена, только и запомнил Ивана за такое дико оригинальное имя для России. Хотя нас за бугром все еще зовут иванами, но на самом деле Ивана в России днем с фонарем Диогена не отыщешь. В моем классе был парнишка, которого родители назвали «Русские идут» в английском написании, по-русски это звучит как «Айвенго», вполне терпимое имя, где-то даже слышал раньше.

Я взглянул на часы, скомандовал:

– Все, выходим! А то опоздаем.

До проспекта Сахарова добирались на метро и троллейбусом, а дальше пешком прошли к той части, где пройдет колонна, в этой части достаточно широко, чтобы и оставшейся части тротуара хватило для переходов.

Вдоль дороги, разгородив тротуар на две части, собственно половину для пешеходов и половину для демонстрации,

им же отдана и проезжая часть, поставили сцепленные друг с другом звенья ограждающих заборчиков из покрашенных в белый больничный цвет алюминиевых прутьев. Опрокинуть их ничего не стоит, но расчет на то, что никто на такое не осмелится.

На той стороне с десятков автобусов с полицией. ОМОНа пока не видно. А с этой вдоль белого заборчика лениво прохаживаются, а где и вовсе стоят в позах беспечных ротозеев менты со сдвинутыми на затылок фуражками.

В двух местах улицу перегородили зачем-то этими же заборчиками. Из автобусов выбрались, неспешно разминая ноги, полицейские в тяжелом обмундировании, собираются в кучки, закуривают, хорошо видно их веселые толстые морды.

В небе пролетел вертолет, но рокота его моторов почти не слышно из-за разноголосого гвалта, хотя тут же поднялось с полдюжины рук с мобильниками, заснимая на фото и видео, теперь ничего не укроется от народного гнева.

Полиция дежурит и возле дверей в здания госструктур, но люди идут мимо, головы повернуты в сторону проезжей части.

Впереди темно-фиолетовый щит с ядовито-желтыми буквами «ЛДПР». Наверное, желтизна символизирует золото, что просыплется на всех, когда ЛДПР воссияет, как солнце, и вытеснит темно-фиолетовую тьму.

Данил спросил шепотом:

– А чего там дальше улицу перегородили?

– Там нам скажут «стоп», – объяснил Зяма. – Неча с твоим кувшинным рылом в их калашный ряд.

– Сволочи!

– Еще какие, – поддакнул Зяма. – Ничего, отольются кремлевским котам наши мышьи слезки.

Среди полиции несколько женщин, пара даже совсем молоденьких, вот бы их затащить в кусты да показать, как мы относимся к родной полиции, которую по-прежнему зовем ментами.

Но пока они улыбаются и строят глазки тем ментам, кто старше по званию, как же, карьерку нужно строить, пока сиськи торчат, а когда отвиснут, никакое умение не поможет.

Когда мы проходили с этой стороны барьера, Данил улыбнулся одной такой красотке с кокетливой пилоткой на пышных рыжих волосах и сказал дружелюбно:

– А у тебя и внизу такая же?

Она посмотрела на него грозно и с намеком погладила дубинку на крутом, как у кобылицы, бедре.

– Что-что ты сказал?

– Пилотка, говорю, красивая, – ответил Данил. – Смотрю вот и представляю... Хотя почему-то синяя, гм... да и размеры...

Зяма потащил его дальше, а полицейка сверлила им спины ненавидящим взглядом.

– Вон идут! – сказал Данил.

Из-за голов выстроившихся вдоль барьера зевак показались красные флаги. Ветерок красиво колышет полотнища, мое сердце радостно заколотилось, красный цвет всегда заставляет куда-то бежать и что-то делать, это цвет пролитой крови и яростных пожаров.

Мы выждали, когда прошли первые ряды, Зяма вообще шептал, что надо пристроиться в конец, но я покачал головой.

– Насты не будут плестись в хвосте!

– Насты вообще должны возглавлять, – заявил Данил.

– Все впереди, – ответил я.

– Красота, – сказал Данил издевательски, – посмотри, и эти взялись под ручки...

Люська хихикнула. Демонстранты двигаются во всю ширь улицы, взявшись под руки, чтобы их труднее было растаскивать, а впереди выстроилась цепь омонцовцев, тоже все держат друг друга под руки, это чтоб демонстранты не прорвались сквозь их хилое, вообще-то, оцепление.

– Теперь бы вприсядку, – сказал Грекор. – И кто кого перепляшет.

– А что, – сказал Валентин, – это же народное гулянье...

– Ставлю на демонстрантов, – сказал Зяма. – На омонцовцах тяжелая амуниция.

– Зато там тренированные парни!

– А здесь, – ответил Зяма и указал кивком на наших качков, крепких и могучих, как быки, плечи толстые, руки как

бревна, головы сидят прямо на плечах, такие не свернуть. – Эти кого угодно и перепляшут и переотжимаются от пола...

Над головами реют десятки разных флагов, я пожалел, что у нас еще нет своего, нужно срочно придумать, а то тут чего только нет: и с красными звездами, и баркашевцы, и анархисты, и вообще что-то совсем непонятное...

Данил сказал Зяме ехидно:

– А где ваши?.. Как вы собираетесь мир захватить?

Зяма ответил с достоинством:

– Во-первых, мы действуем скрытой сапой. Во-вторых, наши боевые марсианские треножки уже на подходе. А в-третьих, что самое главное, мы его уже захватили!..

Данил проворчал:

– Оно и видно. С одной стороны жида, с другой – еврей...

Зяма, а ты кто из их?

– Я третья сила, – ответил Зяма. – Сингуляр! Но пока скрытый.

На плакатах чаще всего прямые оскорбления, типа: «Президент сука, а жена его блядь» или «Пидоры», но корреспонденты снимают это с восторгом, это же глас народа, пусть без мозгов, еще и в жопу пьяного, но воля народа – воля Бога, это же демократия в действии, если народ говорит, что президент – сука, а жена блядь, то так оно и есть, а как на самом деле – неважно...

Отдельные группки демонстрантов под счет «раз-два-три» заученно кричали свои требования, рифмуя со словом

«уходи», это стало смешно даже Люське, а Зяма сказал издевательски:

– Этим идиотам лет по пятнадцать-двадцать! И конечно, они уже твердо знают, что нужно стране. Каждый из них готов стать президентом и править мудро и справедливо.

Я сказал быстро:

– Пора!

Мы отодвинули чуть барьерчик и быстро один за другим протиснулись на ту сторону. Двое ментов нахмурились и шагнули в нашу сторону, но мы быстро вломились в группу таких же молодых и веселых, и менты остановились.

Правда, в нашу сторону некоторое время косился один из мужичков менеджерского вида, явно из хорошо оплачиваемого руководства, но внимательно изучил наши плакаты и отвернулся с видом полнейшего превосходства, дурак набитый.

У руках у Люськи плакат «Долой систему!», и на нее оглядываются и реагируют больше всего, а заодно и плакату достается какое-то внимание.

Она же, польщенная вниманием, цветет и пахнет, огромные губы стали еще больше, а сиськи крупнее и напористее. Марина идет среди наших качков, плакатов на всех не хватило, однако все равно наша группа выглядит обособленной, да и лозунги у нас такие, что запоминают все, кто бы ни мазнул взглядом.

– Пусть меня повяжут, – сказал Зяма мечтательно. – А я

обвиню их в антисемитизме, геноциде и... что бы еще?

– Голодоморе, – подсказал Данил.

– Вот-вот, – обрадовался Зяма. – Еще и в голодоморе и вмешательстве во внутренние дела Америки в Сирии. Вся наша закулиса поднимет хай, евреи зверски угнетены в России!

– А если менты не побьют, – сказал Данил, – я сам тебе разобью морду. Ну, для дела, Зяма, для дела! А потом скажем, зверский ОМОН так тебя отделал. Будешь шрамы показывать, тебя в Би-би-си по новостям покажут... А еврейский кагал тебя вообще мучеником сделает!

Зяма содрогнулся всем телом.

– Не-е-ет! Я нежный.

– И денег даст, – добавил Грекор.

– Денег? – спросил Зяма заинтересованно. – Сколько?

– Много, – ответил Грекор. – Евреи все богатые, не слышал?

– Да знаю, – сказал Зяма недовольно, – что много. Но сколько много? Какой процент отката?

Впереди раздался шум, крики. Колонна слегка замедлила шаг, все разом заговорили громче.

Валентин, прислушавшись, сказал быстро:

– Головная часть дошла до ограды!

– Двинутся дальше? – спросил Данил. – На нее ж дунуть, сразу улетит, как домик Ниф-Нуф-Нафа.

– Вряд ли...

Мы продолжали проталкиваться вперед, демонстранты все какие-то чересчур интеллигентные, даже кричат визгливо и по-бабьи, а у нас во главе группы пошел Данил с качками, так что продвинулись почти до ограждения.

Я заметил, что возле бровки асфальт прилегает неплотно, его нетрудно отковыривать ломиком или даже простыми железными трубками. Дальше пойдет проще, его можно, в отличие от булыжников, ломать на куски нужного размера, чтобы швырять хоть рукой, хоть из пращи, хоть из рогатки.

Грекор наоткалывал, как молодой лед, и собрал целую кучку обломков, на него оглядывались с одобрением, быстро разобрали и начали швырять через головы десяти передних рядов в полицейских и омоновцев.

– А передним влупят, – заметил Зяма.

– Все предусмотрено, – успокоил Валентин.

– Что?

– В передние ряды выдвинули женщин, – сообщил Валентин. – Трое из них беременные. Когда им влупят или потащат к автобусу, это заснимут в нужном ракурсе, обработают, и через пару минут ужасающие зверства Кремля покажут все телеканалы мира!

– Круто, – восхитился я. – Правда, тех дур немного жалко... Хотя чего их жалеть?

Гаврик хохотнул:

– Верно! Дураков у нас на сто лет вперед запасено, а уж дуры так и вовсе на каждом шагу.

Несколько парней, то ли для прикола, то ли показывают всем, какие они крутые, нацепили маски анонимусов и пришли с плакатами, где на все лады доказывается, что власть захватили воры.

В нашу сторону пробились несколько мужиков в пиджаках и с галстуками, двое с мегафонами в руках.

Один сразу заорал:

– Прекратите!.. Вы что, провокаторы?

Я поинтересовался:

– В чем дело?

– Вы что делаете? – заорал он. – Вы что делаете?

– Выражаем протест, – заявил я, – если вам непонятно.

У нас свободная страна или нет?..

– Протесты так не выражают! – прокричал он. – Прекратите немедленно, иначе вас отсюда выведут!.. У нас санкционированный митинг, разрешенный властью, мы должны держаться в рамках...

– Потому что вы и есть эта власть? – спросил я понимающе. – Ребята, прекращайте. Это в самом деле кукольный митинг. Одна голова этого Змея смотрит из Кремля, вторая... вот она.

Мужик с мегафоном побагровел, качки за его спиной нахмурились и сжали кулаки, а наши, бросив камни на землю, приготовились к драке.

Со стороны переднего ряда раздались крики, истошно завизжала женщина. Качки развернулись в ту сторону, а эти

двое с мегафонами, стегнув по нам негодующими и почти ненавидящими взглядами, развернулись и поспешили к источнику незапланированного шума.

– В самом деле, – сказал я, – эта наш первый выход. Камни больше пока не бросаем, присматриваемся.

– К чему?

– Народ, – пояснил я, – вывели на улицы для легкой развлекухи, как я понял. Нечто вроде карнавала.

Данил сказал бодро:

– Хочешь сказать, когда-то замутим свою?

– Замутим, – согласился я. – А пока поиграем по их правилам.

Грекор хищно потер ладони:

– Вот тогда и развлечемся по полной!

Глава 9

На митинге мы пробыли еще два часа, потом заскучали, кричать бесконечно лозунги как-то глуповато, уже многие начали оглядываться по сторонам и выбираться из толпы.

Валентин и Зяма еще слушали заинтересованно, но ударная часть нашей группы уже заскучала, и я скомандовал:
– Уходим. Здесь уже делать нечего.

Часть качков, что пришли с Данилом, утопали еще раньше, остальные потянулись за нами.

Выбравшись из вяло галдящей толпы, мы перебрались с проезжей части на тротуар, Люська и Марина весело щебечут о кафешке, где надо перекусить и оттянуться, а мы с парнями обратили внимание, как у бортика набережной несколько парней мощно метелят двух то ли кавказцев, то ли гады посмели выйти на улицу в слишком богатых прикидах.

Одного сбили с ног и носят на носках ботинок, а он извивается на асфальте, прижавшись к нему спиной и согнувшись в клубок, где умело закрывает бока локтями.

Данил сказал с уважением:

– Опытный. Знает, как укрывать почки.

– Выпускают пар, – заметил Грекор, – что за дурная демонстрация без драки? Эти хотя бы вот так, опосля...

– Думаю, – произнес Валентин задумчиво, – подобные стычки сейчас идут везде, куда расходятся с митинга.

– И кто-то этим пользуется, – голосом старого мудреца проговорил Зяма и с многозначительным видом поднял кверху палец.

– Жиды? – спросил Данил с интересом.

– Ну не марсиане же, – ответил Зяма оскорбленно. – Мы всем пользуемся! И везде отбираем у вас, гоев.

– У меня хрен что отберешь, – заявил Данил весело. – Отбирайте друг у друга!

– Как Абрамович у Березовского, – подсказал Грекор.

– Это Березовский отбирал у Абрамовича, – уточнил Валентин.

– И кто кого обобрал?

– Лондонские евреи, – пояснил Валентин, – что были адвокатами с обеих сторон.

– Все равно вам не досталось, – победно заявил Зяма. – Скоро и Россию отберем, сделаем ее землей Великого Израиля от можа и до можа!

– Это мы сделаем Великую Скифию, – пригрозил Данил, – и будем с Израиля брать дань конями и рабынями. Идеи Великой Скифии живы!

Люська счастливо пропищала:

– Да здравствует!.. Виват!.. Ура!.. Салуд!.. Ой, как же это все здорово... У меня уже трусики мокрые. Такой кайф, такой кайф!.. Никакие дискотеки не сравнятся!

– Потрахаемся? – предложил Грекор.

Она замотала головой.

– Ни за что! Такой кайф не хочу портить. У меня даже мозг в оргазме!

– Люська, – сказал Данил с укором, – зачем тебе мозг?

Она отмахнулась:

– Ну пусть сердце! Или душа. Толя, когда следующий марш?

– Зяма следит за новостями, – ответил я. – Но мы все равно должны готовиться, чтобы на следующих показать себя уже во всю силу.

Люська заспешила вперед, по дороге заглянула в два кафе, везде мало места, наконец в третьем удалось сдвинуть два стола, чтобы поместились все.

Обрадованная официантка примчалась с блокнотиком, на Люську и Марину поглядывает с завистью, столько молодых и крепких парней, а пользуются ими только эти две, я заказал на всех пива, бутербродов, себе и Валентину с Зямой – кофе.

Один из качков полез за деньгами, Данил придержал его руку.

– Все за наш счет, – проговорил он солидно.

Качки уставились на меня, я кивнул:

– Все верно.

Один сказал восхищенно:

– Круто!.. А еще один бутер?

– Заказывай, – разрешил я великодушно.

Насытившись бутербродами и под пивко все заметно потяжелели, разговоры стали спокойнее и ленивее, я поглядыва-

вал на свою команду и подумал в очередной раз, что у нас это не зло, не закономерный протест против подчинения! Это единственное честное проявление свободы человеческого духа.

Первым ввел обязательные требования к любому человеку Ной. Он сформулировал четыре заповеди, которым отныне обязаны подчиняться люди.

Следующим был Моисей, который принес в мир еще десять заповедей. Сам понимал, что ни один человек не примет их... добровольно, потому обставил так, что ему вручил сам бог. Да не просто бог, а Бог, то есть бог богов, и вообще настолько громадный и всемогущий, что саму вселенную сотворил за одно мгновение, сказав лишь слово. Возможно, и не матерное, как утверждают анекдоты.

Кстати, по количеству анекдотов насчет заповедей видно, как неохотно их приняли и как всеми способами нарушали.

Затем был Иисус, этот еще принес какие-то законы, но ни один не только не прижился, но даже и не запомнился, а единственный, какой вспоминают, это насчет левой щеки, которую нужно подставить, – вызывает до сих пор только насмешки и подковырки.

Так что человечество только обростало запретами, но это значит, что нарастает и сопротивление, нельзя же нас сковывать по рукам и ногам, в конце концов все мы озвереем и порвем любые цепи...

Не желая расходиться, мы еще несколько раз заказывали пиво, кофе и бутерброды, но все-таки по одному, по два, наши поднимались, прощались и уходили, пока нас не осталось трое: я, Валентин и Данил.

— Пора, — сказал я наконец. — Завтра хоть и не такой уж тяжелый день, но все равно поработать придется...

— Завтра воскресенье, — напомнил Данил.

— У людей творческой профессии, — напомнил я, — выходных не бывает.

— А бывают только запои, — согласился Данил. — Валентин тоже творческий?.. Один я пролетарий...

На улице уже зажглись фонари, небо потемнело, город начал погружаться в таинственную ночную жизнь, далекую от работы и полную соблазнов.

Добравшись в переполненном вагоне метро в свой район, мы пренебрегли троллейбусом, от станции можно срезать между домами, в какой-то момент увидели, как из здания научно-исследовательского института, расположенного в центре соседнего блока застроек, вышел прилично одетый мужчина, явно слишком засидевшийся за своими микроскопами, галстук, носки и платочек уголком в нагрудном кармане подобраны идеально как в цвет, так и в полоску, модная прическа, похож на манекена из витрины модного бутика.

Он перебросил портфель в другую руку и, оглянувшись воровато по сторонам, подхватил с земли камень и швырнул в потрескавшуюся стену остановочного павильона. Стекло

зазвенело и осыпалось.

Данил смотрел обалдело, Валентин покачал головой, но смолчал, а я сказал с удовлетворением:

– Похоже, наша группка разрастется до мощной организации. А там, глядишь, и создадим свое движение.

Данил спросил все еще с изумлением:

– Но почему... он? У него же все есть! Он доволен жизнью! Посмотри, он садится в «Бентли»!

– Ага, – подтвердил Валентин. – Такая тачка, как говорит Грекор, на полмиллиона долларов тянет. А то и больше.

– Но жизнь его прессует, – пояснил я. – Еще больше, чем нас. Иначе с чего бы так взбесился?

Валентин заметил:

– Всех нас будет прессовать все больше. Видеокамеры начинают ставить и в подъездах. Народ злится.

– Значит... – спросил Данил туповато.

– Значит, – ответил Валентин на недосказанный вопрос, – скоро у нас появятся новые члены нашего кружка.

– А также кружки наших членов, – сказал Данил и довольно загоготал.

С утра я пробежался по своим сайтам, откуда мне капают где рубли, где доллары, кое-что поправил, где-то внес изменения, еще полдня томился в ожидании вечера, когда качалка совсем опустеет, созвонился с Данилом, он ответил, надсадно пыхтя, что сейчас отрабатывает жим на скамье с об-

ратным наклоном, но через часик здесь уже будет пусто.

Выждав этот часик, я чуть ли не бегом понесся к подвалу, на ходу прикидывая, что если назвать нашу группу «Насты», то надо будет еще уточнить, мы общественные, общественно-политические или культурно-религиозные?

С порога ощутил бодрящий аромат кофе, что странно смешивается с запахом мужского пота и баварского пива, по всему подземному залу слышно веселый галдеж, смех, шуточки.

Вижу весь костяк группы, даже пара качков осталась, я прислушался с порога, ближе всех ко мне Данил и Грекор обсуждают детали, как и что было. Чуткий ко всем опасностям Зяма оглянулся, ощутив всеми фибрами, что на пороге стоит кто-то и смотрит, торопливо вскочил с лавки и преувеличенно почтительно раскланялся.

– Приношу, – заявил он пронзительно-визгливо, – свои извинения нашему кормчему. Он был прав.

– В чем? – спросил тугодум Грекор.

– Насчет лозунгов, – пояснил Зяма. – Когда одобрил ту хрень, что писал Данил. Только к ним и не придирались. А к тем, что пришли с программами или предложениями, все равно приегивались. То не так, это не то...

– Ага, – сказал и Данил, очень польщенный, – я стоял рядом с одним таким, так ему постоянно одни говорили, что мало требуют, другие – что много... А мой плакат все одобряли!

– У тебя был, – поинтересовался Грекор, – «Пошли все на хрен!»?

– Нет, – ответил Данил серьезно, – просто «Долой!»

– Краткость, – сказал начитанный Валентин, – сестра таланта, а гонорары все равно не платят.

Все поглядывали на меня, я понял, что пора сказать веское слово, расправил плечи и вышел на свободное от тренажеров место в центре комнаты.

Все смотрят с ожиданием, я сказал веско:

– Вот теперь название нашей организации можно будет писать крупными буквами!

– На чем? – спросил Данил.

Я подумал, сдвинул плечами.

– Посмотрим. Возможно, заведем себе членские билеты, хотя по мне это пока что зряшная трата денег. Если бы у нас появились лишние деньги, я бы лучше истратил их на свое помещение. Я мог бы оформить его на свою фирму...

– А у тебя она есть? – спросил заинтересованно Зяма.

– Мне ее стоит только зарегистрировать, – сообщил я. – Я же частный предприниматель. Индивидуальный. Сам себя нанял? Нанял! Значит, требуется просторное помещение. Под оргии.

Данил сказал обидчиво:

– А чем плоха качалка? И бесплатно.

– Здесь только поздно вечером, – сказал Зяма, – а Толик говорит о таком, чтобы можно было в любое время. Только

наше!

Грекор сказал с энтузиазмом:

– Это было бы круто!.. Там смогли бы бухать, сколько влезет! Родители не помешают.

– И не на улице, – поддержал Гаврик.

Зяма поморщился:

– Бухать друг перед другом? Неинтересно.

– Где в буханье вызов? – спросил Валентин с отвращением. – К тому же в своем помещении мы смогли бы разрабатывать планы...

– А я украсила бы комнату, – сказала Люська.

– Оборочками? – спросил Данил язвительно.

– Зачем оборочками? – ответила она с достоинством. – Можно в анархо-стиле. Черное знамя с черепом и костями!..

– У анархистов было другое знамя, – сказал Зяма. – И вообще мы никому не подражаем! Мы – единственные и неповторимые!

– Мы настоящие, – согласился Валентин. – Все остальные... так, сухие листья.

Данил внимательно всматривался в свой айпад, двигал бровями, хмыкал, наконец сказал быстро:

– Врубите НТВ!.. Там наша демонструха.

Ребята поспешно бросились вытаскивать у кого что есть, телевизоры кому нужны, разве что старушкам на пенсии для просмотра сериалов, Зяма быстро отыскал в своем смарте новости, там по всем каналам идут отчеты о вчерашней де-

монстрации.

Я смотрел внимательно, заранее настроившись враждебно к любой трактовке, однако получалось так, что празднично настроенные люди вышли на улицу, отмечая наступление весны, все с цветами и связками воздушных шаров, в кадры не попали даже знамена анархистов, а злобно настроенная полиция перегородила улицу и не позволила идти дальше под абсурдным предлогом, что там перекресток, а если шествие запрудит и его, то автомобильные пробки распространятся на весь район, а то и город.

Когда веселая и доброжелательная молодежь вступила в диалог с полицией, объясняя этим тупым существам мирные намерения просто идти дальше и петь песни, те призвали на помощь ОМОН, что встал в два ряда и не позволил двигаться дальше.

Оскорбленная в своих лучших чувствах молодежь некоторое время напирала то в одном месте, то в другом, но прорвать цепь не удалось, пришлось всем с горьким чувством обиды разойтись. Непонятно, чего уж так дрожат за свои шкуры там, за стенами Кремля.

Данил сказал ликующе:

– Вот тут, смотрите!... Зяма, прокрути назад!..

– Это же теленовости, – возразил Зяма.

– Тогда отыщи на ютюбе, – велел Данил. – Там точно эти моменты есть, снятые с десятков ракурсов.

– Я заметил, – сказал я. – Можно было прорвать в трех

местах. Это заметил?

– Я заметил только в двух, – ответил Данил. – Молодец, бугор! Ты у нас стратег. Значит, в следующий раз порвем как Тузик тряпочку.

Зяма сказал ехидно:

– Полиция тоже смотрит эти ролики.

– Они тупые, – ответил Данил бодро. – Додумаются поставить вместо нынешней двойной цепи тройную. Бугор, что скажешь?

– Если подготовимся, – сказал я, – прорвать сможем. Система вряд ли ожидает такое. Но готовиться нужно серьезно. Вот тогда и будет настоящий кайф!

Люська завизжала и вlepила Данилу звонкий поцелуй в щеку. Тот брезгливо вытерся рукавом.

Звякнул мобильник, я вытащил, не взглянув на аватарку, да там ее и нет, только высветился незнакомый номер.

Спокойный и уверенный голос сказал вежливо:

– Господин Крякун?.. Это Роберт Дудиков из центра поддержки культурных начинаний.

– Че-че? – переспросил я ошалело, сделал всем знак помолчать, сам отошел в сторонку и подумал, что становлюсь похожим на Данила. – Откуда?..

– Из Центра поддержки, – ответил невидимый собеседник. – Мы видели вас на митинге протеста... и весьма заинтересовались идейной составляющей вашей группы. А также немалыми возможностями развития. Нам кажется, именно

у вас кроется огромный потенциал для свободы и независимости...

Слушать комплименты всегда приятно, но все равно для меня, который все эти центры сжег бы на фиг вместе с сотрудниками, звучит дико и непривычно.

Я дождался конца длинной витиеватой фразы и спросил в лоб:

– И что вы хотите?

– Деловой вопрос, – одобрил собеседник. – Чувствуется хватка прирожденного лидера! Я бы предложил вам встретиться в интересах вашего такого нужного и важного для общества дела.

– Ну, – пробормотал я настороженно, – я не готов сейчас идти куда-то...

Голос прозвучал бодро и оптимистично:

– Вы абсолютно правы в своем нежелании вот так сразу посетить наш офис. Но я могу подъехать прямо сейчас... или в любой день и время, на которое договоримся! Мы встретимся на улице, в сквере на лавочке или у газетного киоска.

Я запнулся с ответом, осторожность требует послать этого Дудикова на хрен и стереть его номер, но, с другой стороны, кто не рискует, того не хоронят в гробу из мореного дуба и с позолоченными ручками.

– Лучше бы на послезавтра, – сказал я, – или в конце недели... но я не знаю, насколько у меня будет насыщенное расписание, так что подъезжайте, если сумеете, прямо сейчас...

– О'кей!

– Сколько вам добираться до Южного Бутова?

Он ответил без запинки:

– Около часа. Наш офис в центре.

– Отлично, – сказал я. – Только встретимся на самом въезде, где фитнес-центр «Зебра» и «Аптека Столетова». Между ними крохотный скверик, там две лавочки.

Глава 10

Эти полчаса я не находил себе места, рисовались всякие ужасы, начиная от того, что кто-то из тех, кому мы срали под дверьми квартиры, вычислил и нанял крепких мужиков, а те придут отмудохать нас, а мне так вообще переломают руки-ноги.

А то, что место людное, не спасет, у нас же Россия, будут убивать прямо на улице, все просто обойдут, чтобы их не задели, и никто даже не звякнет в полицию.

За десять минут до назначенного времени я уже бродил по ту сторону киосков, поглядывал на лавку. Машины проезжают вдалеке по шоссе, лишь одна осторожно свернула на узкую дорожку, проехала сотню метров и остановилась с краю.

Дверца распахнулась с левой стороны, я успел увидеть, что на остальных сиденьях пусто. Вышел мужчина, рослый и спортивного вида, но без военной выправки, слава богу, осмотрелся.

Я уже шел к намеченной лавочке, а когда сел, он тоже двинулся в мою сторону. Я дергался, не знаю, надо ли встать или приветствовать, разозлился на себя, ну чего я так уж сразу прогибаюсь, где мои принципы, сделал морду равнодушной и даже не повернул голову в его сторону, когда он опустил на лавку на достаточном расстоянии, чтобы между нами мог сесть еще кто-то и расставить локти, это называется личным

пространством.

Некоторое время мы сидели вот так, глядя перед собой, словно играем сцену из андерграундных мувей.

Наконец он произнес с ленцой:

– Прекрасная пора, когда весна вот так переходит в лето...

– Лето лучше, – сказал я.

Он посмотрел на меня искоса.

– Вы находите? Да, наверное. Я – Роберт Дудиков, как уже говорил.

– Анатолий, – ответил я. – Анатолий Крякун.

– Наш фонд, – проговорил он так же легко, – занимается прогрессом в гуманитарных вопросах и поддержкой организаций и движений, которые способствуют свободе и независимости. Вы – одно из таких зарождающихся движений, пока самых мелких... но мы видим большой потенциал и готовы оказать вам помощь.

Я спросил настороженно:

– Это как?

Он коротко усмехнулся.

– Я понимаю ваше недоверие. Однако вот это вас немножко убедит, что мы говорим искренне.

Он сунул руку в широкий карман плаща, я напрягся непонятно чему, но в его ладони появился небольшой сверток в газете, совсем не похожий на пистолет.

– Держите, – сказал он добродушно, – лучше сразу спрячьте, а то народ начнет присматриваться.

Мои пальцы сразу ощутили, что это, к тому же на газетку то ли пожмотился, то ли нарочно оставил краешек. Оттуда нечто выглянуло красным уголком, похожим на шоколадку, только потолще, но я уже чувствовал, что это пачка пятитысячных, хоть никогда столько еще и не видел.

Торопливо взял, чувствуя, как задрожали неизвестно почему пальцы, сунул в карман, сердце колотится, так и кажется, что все смотрят в мою сторону.

Этот Роберт Дудиков продолжает рассеянно смотреть вперед, эстет, природой любитесь, а я спросил сразу охрипшим голосом:

– Зачем?

– На всякие расходы, – ответил он негромко. – Здесь пятьсот тысяч. Деньги небольшие, но на голом энтузиазме долго не продержишься, это закон. Подростки могут, но дальше начинаются заботы взрослого человека, и становится уже не до борьбы за идеалы. Тратьте правильно.

– А если просто пропьем? – спросил я.

Он пожал плечами.

– Значит, мы потеряли эти не такие уж и большие деньги. Только и всего. Никто у вас не требует их вернуть. Просто не получите следующий транш. Только и всего.

Я спросил с недоверием:

– Следующий?

Он ответил уклончиво:

– Все будет зависеть от того, как истратите. Если на лич-

ные нужды... что ж, деньги потеряны. Если на продвижение важных для общества идей – можете быть уверены, что мы не оставим вас без поддержки и дальше.

Я раскрыл рот, чтобы задать следующий вопрос, однако он легко поднялся, чуть коснулся кончиками пальцев края шляпы.

– Приятно было познакомиться, Анатолий.

– Взаимно, – пробормотал я.

Он ушел по аллее так же неторопливо, на выходе из сквера сел в припаркованный на обочине автомобиль, и тот сразу же тронулся с места и быстро влился в общий поток.

В качалке наша группа почти в полном составе, даже Марина осталась дожидаться моего возвращения, хотя она где-то работает в это время.

Едва я переступил порог, меня встретили галдежом, вопросами, как и что.

– Тихо, – сказал я, – сейчас все расскажу.

Они умолкли, а я выложил на горизонтальную скамью для жима пакетик в газете. Все смотрели в жадном ожидании.

Зяма первым осторожно пощупал сверток.

– Позвольте мне, – сказал он таинственным шепотом, – как представителю всемирной жидовской мафии, протянуть свои загребушие...

Люська прошептала еще тише:

– Сколько там?

Зяма вытащил из газетки, ловким движением провел кончиком пальца по корешку плотно упакованных банкнот. Они сухо прошелестели, словно гигантская стая стрекоз слюдяными крыльями, и снова притворились плотным бруском.

– Пол-лимона, – ответил Зяма и заулыбался, словно кот, что спер кувшин сметаны. – Для начала как бы весьма нехило.

Люська охнула:

– Для начала?

– А то, – ответил за представителя всемирного жидовства Данил. – Мы только берем разгон. Бугор, рассказывай!

Я сказал с неохотой:

– Ничего особенного. Встретились в скверике, он передал деньги и сразу ушел. Только и сказал, что если пропьем, то больше не даст.

– Я ж говорил! – воскликнул Зяма и довольно потер белые пухлые ладошки. – Будут еще!.. Если поведем себя умненько.

– А это как? – спросил Грекор.

– Пойдем на демонстрацию снова, – ответил я.

Данил спросил, набывчившись:

– Ты хочешь сказать, что кто-то из срунов прошлого поколения выбился в олигархи и теперь решил отсыпать нам, вспомнив молодость, от щедрот?

Я потряс головой:

– Ничего не знаю! Знаю только, что вот перед нами на сто-

ле пачка красненьких. В банковской упаковке. Новеньких.

Грекор спросил с недоверием:

– И что, он не взял даже расписку?

Я покачал головой:

– Нет.

Зяма сказал живо:

– Раз вслух сказал, что передает пятьсот тысяч рублей, этого достаточно! Думаешь, он не писал разговор? Три ха-ха! Сейчас все пишется.

– Да и снимать их могли, – добавил Данил, – длиннофокусной камерой.

– На нем на самом могли быть видеокамеры, – сказал Грекор. – Они теперь меньше макового зерна! Без спецаппаратуры не увидеть.

– Ой, ребята, – воскликнула Люська с восторгом, – вы такие умные!

– Ладно, – сказал я, – давайте подумаем, как тратить деньги.

– Разделить пополам, – предложил Грекор. – На первую половину закупить водки, а вторую – закуски!

– Столько жрать? – спросил Данил. – Тоже мне в алкаши ломится!.. Нет уж, давайте купим станок Смита, две W-штанги и стеллаж для блинов, стойку для гантелей, а еще спортивного питания от Диматайза, а то Айронмэн у меня поперек горла...

Зяма сказал брезгливо:

– Я и слов таких не знаю, какой-то ты космополит безродный, все у тебя иностранное... братцы, бейте предателя России! Это я как патриот говорю.

– Он исправится, – пообещал я. – Сайт и форум я уже забабахал, но кое-какую денежку на раскрутку придется потратить. Угнетенный народ должен знать, что кроме ручной и прикормленной оппозиции есть и непокорная...

Грекор сказал приподнято:

– Мы пьем за яростных, за непокорных, за презревших грошевый уют! Вьется по ветру Веселый Роджер, люди Флинта песенку поют...

– Я гитару принесу, – сказала Люська.

Я похлопал ладонью по столу.

– А серьезные идеи есть?.. Нам выпал уникальный шанс в самом деле стать чем-то серьезным. И наше срунство поднять на более высокий уровень, чем насрать соседу под дверь. Выходя на митинг или демонстрацию протеста, мы срем под дверь самого Кремля!

Грекор гыгыкнул:

– Представляю, как президент выходит и... о Боже! Во что это я вступил?.. Срочно начальника службы безопасности моей персоны ко мне, пусть языком вылизывает!

Я поморщился и, не обращая на него внимания, сказал серьезно:

– Именно теперь можем заявить о себе как об организации.

Зяма сказал опасливо:

– Это хорошо, но только чтоб знали, но не били морды. Это только Данил любит, когда его бьют...

– Бить нас отныне нельзя, – объяснил я, – теперь это будет квалифицироваться как преступление на почве национальной, религиозной и политической нетерпимости и даже ненависти!.. Мы не хулиганы, мы своими действиями заявляем протест против существующей системы, удушающей человеком человека!.. Потому любое действие, направленное против нас, будет расценено как удушение личных свобод и гражданских прав, завоеванных в тяжелой борьбе!

Данил и Грекор смотрели на меня с раскрытыми ртами, Данилу вообще страус мог бы залететь, если бы научился все-таки летать, даже Люська в изумлении распахнула хорошенький ротик.

Зяма наконец пошевелился, сказал с придыханием:

– Блин... ты так серьезно все сказал! Я уже начинаю в нас верить. А насчет как потратить... вообще любые денежные вопросы давайте все ко мне. Первый день консультирую бесплатно, это чтоб клиентуру набрать, потом вам, как своим, сделаю скидку. Но не слишком, не слишком, а то на голову сядете. Итак, Люська?

Люська сказала чинно:

– Меня, как приличную девочку из крайне хорошей семьи, интересуют штрафы, если такие есть. За участие в митингах. Я не за себя волнуюсь, меня просто потрахают и вы-

пустят, а вот вас могут не захотеть, а мне где брать деньги на залог?

Грекор сказал бодро:

– Понятно где!.. Но какие штрафы? За что?

Зяма сказал, чуточку гнусава:

– Мы, русские, народ самый покорный и спокойный, поэтому и штрафы у нас самые низкие в мире... Да-да, Люська, низкие! Депутат Сидявкин предложил увеличить до миллиона рублей, а деньги переводить на устранение последствий. А то сейчас, мол, тыща рублей с носа – и свободен.

– А че, в других странах выше? – спросил Данил с недоверием.

– И намного, – заверил Зяма. – Четыреста фунтов стерлингов в Англии, а за вандализм пять лет тюрьмы и штраф в две тысячи фунтов стерлингов... вандализм, поясняю, если кто троллейбусный павильон на остановке разнесет!.. В Германии – год тюрьмы и штраф в пятнадцать тысяч евро. В Италии только за то, что не подчиняются приказу полиции прекратить и разойтись, год тюрьмы и крупный штраф.

– А в Штатах? – спросил Грекор с надеждой.

Зяма отмахнулся.

– Про самую демократичную страну в мире лучше и не спрашивай. В Штатах не случайно смертная казнь, а когда дают срок в семьсот лет без права досрочного или пять пожизненных сроков... сам понимаешь, для них это даже не смешно, привыкли. За что у нас оштрафуют на тысячу руб-

лей, там впаяют десять лет тюрьмы! Там даже за разрешенную демонстрацию или митинг берут деньги, а если помешаешь кому-то проехать, то сразу выкладывай три тысячи долларов или топай в тюрьму.

– Блин, они совсем охренели! – сказал Данил. – И эти люди учат нас демократии?

– Во Франции, – продолжил Зяма, рисуясь знаниями, – любое неподчинение полиции на митинге – год тюрьмы и штраф, в Швейцарии только штраф... сто тысяч долларов...

Данил поперхнулся пивом и долго кашлял, а Грекор бухал его по спине кулаком.

– В Швеции – два года, – продолжал Зяма, – и, конечно, крупный штраф, в Японии все мягче: всего год тюрьмы и штраф в пятьсот долларов... но это все равно не наши тысяча рублей, что равны тридцати долларам...

Я тяжело вздохнул:

– Давайте лучше подумаем, как потратим. Чтобы было видно, что не пропили.

Зяма сказал быстро:

– Можем сами организовать митинг!.. На это всегда дают деньги. Рынок! Это раньше бывали бесплатные. Выйдем сами с дружбанами, а деньги распилим.

– Все? – спросил Данил угрюмо.

Зяма сказал всполошенно:

– Зачем все, зачем все? Узнаем, сколько выделяется на

маленький митинг, столько и отпилим! Остальное тоже проведем на энтузиазме, а деньги присвоим.

– Ну ты и жидяра, – сказал Данил, – сразу все захватать...

– А что? – сказал Зяма задиристо. – Мы такие! Зато когда потом денег не дадут, мы сможем на свои!.. Думать надо, бычок. Не пробовал?

Марина подключила свои связи, у нее одна подруга в релторах, адресов нам скинули сразу два десятка, пришлось побегать, и с полдюжины я все-таки просмотрел лично, но остановились на том, что выбрала Марина.

Я заплатил наличными, что мгновенно решило все вопросы и помогло сразу получить все необходимые подписи, неучтенка все еще рулит.

Едва я получил ключи, Люська и Марина взялись оборудовать обе комнаты. Раньше здесь попеременно размещались то аптека, до сих пор пахнет медикаментами, то магазин по продаже спортивных добавок, то книжный, от этих остались горы книг, которые мы полдня выносили на мусорку, пока не пришлось нанять машину и увезти на переработку.

От прошлых вывесок над дверью темнеют дыры в бетоне, куда могут пролезть даже толстые крысы, да еще торчит пара ржавых болтов.

Данил смотрел долго, чесал в затылке, Зяма поинтересовался:

– Что, если вон туда снова болты вбить, можно классный

турник подвесить?

– Турник не пойдет, – ответил Данил серьезно, – а вот перекладину можно. Но чего-то кажется, если вот тут подтягиваться, а кто-то будет выходить и его по рылу ботинком... не совсем правильно, если, конечно, не тебе...

– Соображаешь, – изумился Зяма. – Кто бы подумал! У тебя какой вес мозга? Девятьсот грамм? Я бы добавил еще пятьдесят!

– Сам ты бабуин, – сказал Данил. – И все твои... бабуины. Комп уже привез?

– А зачем? У меня айпад.

– А по треку гонять? В планшетах не видеокарты, а одно название.

– Бугор принесет, – сообщил Зяма и кинул в мою сторону. – Он профи, у него их три штуки. А то и соберет под заказ. Оформим как неотложные затраты. Если надо, то и в облака заберемся.

Грекор сообщил гордо:

– Я там уже год. Все мои коллекции там.

– Ну и дурак, – сказал Зяма. – Как можно хранить свои секреты у того, чей офис идешь громить?

Грекор почесал затылок.

– Так облака же в Америке?

– Вообще-то мы бьем по всему сволочному миру, – пояснил Зяма, – ну да ладно, Америка пока подождет.

Глава 11

Компы я принес и разместил в обеих комнатах, хотя и не три, как рассчитывал Зяма, хватит нам и двух, зато соединил локалкой, можно было резаться и по сети, а еще купили самые дешевые столы и стулья, холодильник и прочее по мелочи.

Зяма тут же врубил комп, завизжал от счастья, обнаружив уже установленные гонки, тут же азартно повел автомобиль по скоростной трассе, дома его мучают науками, только здесь и оторвется всласть, за вторым Валентин начал шарить по англоязычным сайтам, у нас только он да я владеем английским.

На подоконник забрались с ногами, выставив напоказ выбритые пилотки, Люська и Марина, приятно слышать их веселое щебетанье, обе вздохнули и наперебой рассказывают друг другу, как клево все было на митинге, будто не стояли рядом, сияют, как два солнышка на небе.

Я пришел в офис, когда Зяма и Данил в очередной раз планировали, как в следующий раз пройдут по проспекту Сахарова до заграждений, а там организуют народ на прорыв цепи полиции или ОМОНа.

Зяма втолковывает Данилу:

– Володя Сахаров – великий футболист, «Торпедо» без него бы загнулось, ты прав, но все-таки проспект назван в

честь другого Сахарова, ты его не знаешь, но это тоже был крутой мужик, хоть и не такой крутой, как Володя... Этот другой Сахаров предложил заложить вдоль Атлантического и Тихоокеанского побережий США, то есть с обеих сторон, чтоб никто не вырвался, цепочку ядерных зарядов по сто мегатонн каждый!.. И при самой малейшей агрессии против нас или наших дружанов попросту нажать кнопку, чтобы всю Америку вдрызг! И не было бы сейчас у нас проблем. А когда стал академиком, знаменитым и неприкосновенным, вдруг разом осознал, что коммунизм – зло, и тут же стал диссидентом! Молодец, всегда понимал, по какую сторону забора упасть...

– Дык еврей же, – сказал Данил с отвращением. – И женат на еврейке, и вообще у него какая-то еврейская физика.

– А в Израиле его именем названы улицы во всех городах, – сказал Зяма с удовольствием. – Конечно, наш!.. Кого еще нам отдашь? Давай Сталина?

– Так он же грузин вроде...

– Да какой-то подозрительный грузин, – сказал Зяма. – Наверняка еврей скрытый...

Данил сказал обидчиво:

– Да пошел ты! Чикатилу не хочешь?

– Чикатилу нет, – ответил Зяма задумчиво, – а вот Джека-потрошителя бы взял... Все-таки романтик, что-то в нем есть... Нет, ты посмотри на бугра! Тебе не кажется, что он похож на Генриха Гейне?

Данил прорычал:

– Ты че? При чем тут Генрих Гейне?

– Тоже крутой мужик, – пояснил Зяма. – Как он сказал, как сказал! «Честность – прекрасная вещь, когда все вокруг честные, один я жулик». После чего наш царь Николай I послал к нему тайного гонца с траншем в двенадцать тысяч талеров, сумасшедшие по тем временам деньги, поблагодарить за то, что тот воспел подавление польского восстания царскими войсками. Или, как изящно выразился наш государь, «за верное освещение роли России в польских событиях». Деньги отвез наш великий интеллигент, гордость русской поэзии Федор Тютчев.

Валентин услышал, повернулся к ним, лицо такое, словно и сам впервые слышит, а Данил охнул:

– Тот, что в школьных учебниках?

– Он самый.

– Врешь?

– Точно-точно, – заверил Зяма, – можешь порыться в истории. Немец Гейне... вообще-то он еврей Хайнрих Гайне, спроси у дядьки гугла, этот иудей всех своих помнит и учет ведет, не захотел показаться русскому прижимистым жидом, и они вдвоем с шиком промотали эти деньги в Париже на баб, шампанское и всякие кутежи.

Данил восхитился:

– Да какой он тогда Хайнрих, он точно Генрих!.. А то и во все Иван, немцы – те же евреи, зря копейки не истратят.

К ним прислушался Грекор, сказал с такой обидой, словно Тютчев был его родным и любимым дедом:

– Да что вы Федора Ивановича шпыняете! Он же на халву пил! Все равно эти деньги уже отдал, так почему не пропить чужое? А вон Некрасов и Тургенев государственные деньги пропивали и проигрывали в парижских казино...

Данил сказал с недоумением:

– Все понятно, только при чем тут наш бугор?

– Дык он тоже получил свои двенадцать тысяч талеров, – пояснил Зяма. – С учетом инфляции это как раз пятьсот тысяч рублей, я считал! Я вообще деньги считать люблю. И тоже крутой мужик, как думаешь?

Данил оглянулся на меня.

– Бугор? Да, крутой...

Валентин повернулся ко мне, оставив монитор с мигающими ссылками на голую Аню Межелайтис, потер усталые глаза.

– Хватит трепаться, – предложил он, – давайте о серьезном...

Я молча нажимал кнопки на панели кофейного автомата, из-за этих балбесов приходится всякий раз подстраивать под себя заново, а Люська с подоконника весело пропищала:

– Давайте! А то мы такие серьезные... Вчера услышала: «Вас обвиняют в том, что вы вчера в пьяном виде явились в театр. Верно ли?» – «Конечно, ваша честь! Разве в трезвом виде мне бы пришло в голову прийти в театр?»

Все заржали, даже Валентин улыбнулся, но тут же сказал мне:

– Ага, в этом месте всегда следуют понимающие улыбки нормальных мужчин, эдаких мачо! Тоже никогда в здравом уме и твердой памяти не пойдут в театр, а сядут с пивком перед телевизором или сходят к жене приятеля, пока тот в командировке.

Зяма врубился первым, сказал с подъемом:

– А разве не так? Злое и несправедливое общество заставляет нас ходить в театр, учиться, работать, одевать чистые носки, мыться... и вообще «быть хорошими», а мы вот такие лихие, что плюем на все на это! И будем делать назло, мы – вольные пираты!

Данил перестал ржать, на лице недоумение, с этими евреями трудно понять, когда хитрят, когда говорят правду, а Валентин сказал с самым серьезным лицом:

– Сперва мы бунтовали против мамы, что заставляет мыть уши и шею, теперь мама нам уже не указ, взрослые, но зато это общество достает, настаивает, чтобы учились всю жизнь, совершенствовались, совершали хорошие поступки... Ну как тут не насрать в ответ? Мы должны иметь на это право! Это наша позиция, это никакое не хулиганство, а протест!

Грекор сказал с сомнением:

– Валентин, ты че-то зааспирантился. Не поймешь, когда ты прикалываешься...

Валентин вздохнул, проговорил уже без пафоса:

– Ладно, давайте о деле. Нам предстоит работать с новыми членами нашей организации, вербовать и объяснять наши идеалы... Потому прошу в первую очередь учитывать их стадность и конформизм...

– Стадность срунов? – спросил Данил.

– Нет-нет, – сказал Валентин торопливо, – это общее свойство молодых парней, срунство ни при чем. Я, признаюсь, почему-то полагал, что с инетом, который дает простор для анонимности, люди наконец-то сбросят маски и будут вести себя... гм... естественно. В смысле, честно.

– А что, – спросил я настороженно, – нет?

Он покачал головой:

– Увы, я был слишком оптимистичен. Вот сегодня щелкнул на ссылке, что ведет на один литературный форум, смотрю, как некто забрасывает постинг: «Открыл такую-то книгу... полный бред, как такое можно писать, корявые фразы, серые герои... и т. д.», и если отзыв написан хорошо и убедительно, то немедленно выстраиваются отклики: «А я ее и до середины не дочитал, бросил», «А я после первой главы захлопнул, не мое», «А я прочел один абзац и сразу понял, что ерунда, а сам автор – халтурщик», «А я вообще не стал покупать», «А я бумажную не стал брать, посмотрел пиратскую электронку, да и ту сразу стер»...

– Тоже встречал, – признался я. – Всякий страшится показаться дебилом. Вот и повторяют за первым.

– Так Интернет же анонимен, – напомнил он, – бери лю-

бой ник и пиши под ним! Пиши то, что думаешь. Однако же человек хочет, чтобы его уважали, потому сразу подстраивается под общество!

Я буркнул:

– Даже сруны? Ну да, тоже...

– Сруны подлаживаются к срунам, – сказал он педантично, – но самое главное, и несруны тоже подлаживаются! Сруном быть выгоднее, вот что важно для нас!.. Если кого-то хвалят, несрун тоже начинает хвалить, а если ругают, тоже ругает вне зависимости от того, что думает на самом деле... Потому, учитывая этот неожиданный конформизм, можно строить нашу политику ломки этой чудовищной системы, прибегая даже к не всегда этичным методам.

– В смысле, никто не решится осудить?

– Да, – ответил он. – Именно не решатся, как не решаются высказать свое искреннее мнение по поводу каких-то книг, фильмов или событий.

Я слушал с напряжением, переспросил:

– Ты хочешь сказать, что правильно расположенные слова в лозунге или призыве способны перевербовать и повести за собой огромные толпы?

Он посмотрел на меня с уважением:

– Вы сразу хватаете все на лету, шеф!

– Я не шеф, – буркнул я.

Он покачал головой:

– Но остальные именно вас им считают? Вам знакомо по-

нятие тайного лидера?

Я сел в сторонке, отхлебывал кофе, держа большую чашку в обеих ладонях. Валентин прав, все мы бунтуем и отстаиваем свою самобытность в семье, где родители – дремучие и отсталые дураки, но среди себе подобных выступаем ужасными конформистами. Подражаем друг другу даже в мелочах, панически страшимся высказать свое настоящее мнение. Из всех сил, что доходит до смешного, стараемся показать себя выше и развитее, чем мы есть.

Валентин прав, я сам, то и дело заходя на форумы, где обсуждают что-то популярное, высокотиражное, натыкаюсь на реплики, типа, как это вы читаете такое говно?.. Я вот даже в руки не беру этот ширпотреб. Только деревья переводят на такую макулатуру...

Порицая других, сказал кто-то из мудрых, мы косвенно хвалим себя. А здесь даже не косвенно, а в лоб, подростки еще не умеют хитрить так уж особенно. Их хитрости видно издали, особенно когда такое вот закомплексованное существо сразу старается убедить, что оно выше и одухотвореннее всех присутствующих на форуме. И значит, ему должны кланяться и уважать безмерно.

Если же такой вот зажатенький хочет вступить в дискуссию, он начинает словами: «Я это говно в руки не беру, но как-то друг сунул мне в дорогу, я вынужденно читал, пролистывая страницы...»

Вообще-то первая ступень взросления начинается, когда такое вот начинает ощущать, что родители – это одно, а он – другое. Выражается это в неприятии всего, что скажут «старика», и в приятии, так сказать, того, что говорят такие же, начинающие обособляться от предыдущего поколения.

Вот на этой стадии их и надо ловить, потому что дальше подросток начинает вычленять свое мнение из массы тех молодых волков, в чью стаю прибилсь, когда отделился от «старых», и чье мнение разделял безоглядно и не подвергая сомнению.

Если я в самом деле лидер, каким меня считают наши, то я должен отыскать пути, как выражать протест против системы не только личный, но и всего своего поколения. А для этого нашу группку нужно расширять и расширять...

Рядом Данил и Грекор все еще никак не отойдут от впечатлений о митинге, спорят и перетирают всякие интересные моменты, наконец Данил сказал азартно:

– Это был пусть не совсем дурацкий митинг, мы отождгли, но какой-то не совсем наш!..

Грекор насторожился:

– Это в каком смысле?

– Драки хочу, – заявил Данил хищно. – С ментами!.. Или ОМОНОм, кого выставят против нас!.. Мы ломаем систему или нет?

Грекор замялся, посмотрел на меня. Я ощутил важность, чуточку раздулся, как жаба на солнышке, и сказал мудро:

– Нужно обставить так, чтобы не мы затеяли драку, а они напали!

– Зачем?

– А про корреспондентов забыл? – сказал я. – Там же на каждого митингующего по пять газетчиков с телекамерами!.. Прямой репортаж ведут!

– Да и мобилами все снимают, – вставил Грекор.

Зяма сказал вежливо:

– Бугор, не гони волну. Они покажут только то, как менты наших вяжут. Да еще с такого ракурса, будто еще и руки выламывают, волосы выдирают!.. Кстати, не забывайте стонать и корчиться, будто вам отрывают помидоры. При умелом монтаже на экране будут только звери-менты и вы, страдалыцы за демократию...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.